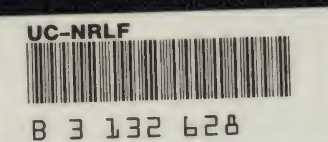


UC-NRLF
B 3 132 628

Henry Wadsworth Longfellow

ЛОНГФЕЛЛО

Piesn' o Gaiavatie

ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ

ПЕРЕВОДЪ И. БУНИНА

УДОСТОЕННЫЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

ПРЕМІИ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

МОСКВА

ИЗДАНІЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1918

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

„Пѣснь о Гайаватѣ“ считается самымъ замѣчательнымъ трудомъ Лонгфелло. Появилась она въ 1855 году. Впечатлѣніе, произведенное ею, было необыкновенно: въ полгода она выдержала 30 изданій, породила массу статей и подражаній и была переведена на многіе европейскіе языки.

Всѣхъ поразила, прежде всего, оригинальность ея сюжета и новизна блестящей, строго выдержанной формы.

„Мой знаменитый другъ“, говоритъ извѣстный нѣмецкій поэтъ Ф. Фрейлигратъ въ предисловіи къ своему переводу „Пѣсни о Гайаватѣ“: „открылъ американцамъ Америку въ поэзіи. Онъ первый создалъ чисто-американскую поэму, и она должна занять выдающееся мѣсто въ Пантеонѣ всемірной литературы“.

Но, конечно, главное, что навсегда упрочило за „Пѣсней о Гайаватѣ“ славу, это—рѣдкая красота художественныхъ образовъ и картинъ, въ связи съ высокимъ поэтическимъ и гуманнымъ настроеніемъ. Въ „Пѣснѣ о Гайаватѣ“ отразились всѣ лучшія качества души и таланта ея творца. Лонгфелло поистинѣ былъ однимъ изъ тѣхъ, кого называютъ „идеалистами“: онъ всю жизнь посвятилъ на служеніе возвышенному и прекрасному: „Добро и красота незримо разлиты въ мірѣ“,—говорилъ онъ и всю жизнь всюду искалъ ихъ. Ему всегда были особенно дороги чистые сердцемъ и искренніе люди, его увлекала дѣвственная природа, и манили къ себѣ древнія народныя преданія съ ихъ величавою простотой и благородствомъ, потому что самъ онъ до глубокой

старости сохранилъ въ себѣ возвышенную, чуткую и нѣжную душу. Онъ говорилъ о поэтахъ: „Только тѣ были увѣнчаны, только тѣхъ имена священны, которые узнали горе, сдѣлали народы благороднѣе и свободнѣе“.

Эти слова можно примѣнить къ нему самому. Онъ призывалъ людей къ миру, любви и братству, къ труду на пользу ближняго, и произведенія его еще долго будутъ облагораживать всѣхъ, у кого есть въ сердцѣ „искра Божія“. Въ поэмахъ и стихотвореніяхъ Лонгфелло всегда „незримо разлиты добро и красота“; они всегда отличаются, не говоря уже о простотѣ и изяществѣ формы, тонкимъ пониманіемъ и замѣчательнымъ художественнымъ воспроизведеніемъ природы и человѣческой жизни. „Пѣсня о Гайаватѣ“ служитъ лучшимъ доказательствомъ всего сказаннаго. Она трогаетъ насъ то величіемъ древней легенды, то тихими радостями дѣтства, то чистотою и нѣжностью первой любви, то безмятежностью трудовой жизни на лонѣ природы, то скорбью роковыхъ и вѣчныхъ бѣдъ человѣческаго существованія. Она воскрешаетъ передъ нами красоту дѣвственныхъ лѣсовъ и прерій, возсоздаетъ цѣльные характеры первобытныхъ людей, ихъ бытъ и міросозерцаніе.

„Пѣснь о Гайаватѣ“, говоритъ Лонгфелло: „это — индѣйская Эдда, если я могу такъ назвать ее. Я написалъ ее на основаніи легендъ, господствующихъ среди сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Въ нихъ говорится о человѣкѣ чудеснаго происхожденія, который былъ посланъ къ нимъ расчистить ихъ рѣки, лѣса и рыболовныя мѣста и научить народы мирнымъ искусствамъ. У разныхъ племенъ онъ былъ извѣстенъ подъ разными именами: Michabou, Chiabo, Manabozo, Farenaywagon и Hiawatha, что значитъ — пророкъ, учитель. Въ это старое преданіе я вплелъ и другія интересныя индѣйскія легенды... Дѣйствіе поэмы происходитъ въ странѣ оджибуэевъ, на южномъ берегу Верхняго Озера, между Живописными Скалами и Великими Песками“.

Въ Россіи „Пѣснь о Гайаватѣ“ еще мало извѣстна. Д. Л. Михайловскій сухо и съ пропусками перевелъ только нѣсколько главъ ея, значительно измѣнивъ форму и тонъ подлинника. Полный переводъ ея появляется впервые. Я всюду старался держаться

возможно ближе къ подлиннику, сохранить простоту и музыкальность рѣчи, сравненія и эпитеты, характерныя повторенія словъ и даже, по возможности, расположеніе стиховъ. Это было не легко: краткость англійскихъ словъ вошла въ пословицу; иногда приходилось сознательно жертвовать легкостью стиха, чтобы изъ одной строки Лонгфелло не дѣлать нѣсколькихъ. Съ другой стороны, нѣкоторые стихи подлинника почти слово въ слово укладывались въ русскіе, чѣмъ объясняется близость иныхъ мѣстъ моего перевода съ переводомъ Д. Л. Михайловскаго.

Что же касается индѣйскихъ словъ, я провѣрилъ ихъ значеніе по нѣмецкому переводу Фрейлиграта, который просмотрѣнъ самимъ Лонгфелло. Списокъ этихъ словъ помѣщенъ въ концѣ книги. Въ большинствѣ случаевъ индѣйскія слова пояснены прямо въ текстѣ, какъ это сдѣлано въ подлинникѣ, — напримѣръ: „Вьетъ гнѣздо Омими, голубь"... Иногда это дѣлало стихъ менѣе изящнымъ, чѣмъ хотѣлось бы. Надѣюсь, впрочемъ, что лица, знакомыя съ подлинникомъ, извинятъ мнѣ это. Смѣло могу сказать только одно: я работалъ съ горячей любовью къ произведенію, дорогому для меня съ дѣтства, и съ полною добросовѣстностью, этой слабой данью моей благодарности великому поэту, доставившему мнѣ столько чистой и высокой радости.

Ив. Бунинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
Съ ихъ лѣснымъ благоуханьемъ,
Влажной свѣжестью долины,
Голубымъ дымкомъ вигвамовъ,
Шумомъ рѣкъ и водопадовъ,
Шумомъ, дикимъ и стозвучнымъ,
Какъ въ горахъ раскаты грома? —
Я скажу вамъ, я отвѣчу:

„Отъ лѣсовъ, равнинъ пустынныхъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Изъ страны Оджибуэевъ,
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Съ горъ и тундръ, съ болотныхъ топей,
Гдѣ среди осоки бродитъ
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старыя преданья
По напѣвамъ сладкозвучнымъ
Музыканта Навадаги“.

Если спросите, гдѣ слышалъ,
Гдѣ нашелъ ихъ Навадага, —

Я скажу вамъ, я отвѣчу:
„Въ гнѣздахъ пѣвчихъ птицъ, по рощамъ,
На прудахъ, въ норахъ бобровыхъ,
На лугахъ, въ слѣдахъ бизоновъ,
На скалахъ, въ орлиныхъ гнѣздахъ.

„Эти пѣсни раздавались
На болотахъ и на топяхъ,
Въ тундрахъ сѣвера печальныхъ:
Читовейкъ, зуекъ, тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ, нырокъ, гусь дикій, Вава,
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
И глухарка, Мушкодаза".

Если бъ дальше вы спросили:
„Кто же этотъ Навадага?
Разскажи про Навадагу" —
Я тотчасъ бы вамъ отвѣтилъ
На вопросъ такою рѣчью:

„Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ,
У излучистыхъ потоковъ,
Жилъ когда-то Навадага.
Вкругъ индійскаго селенья
Разстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Боръ стоялъ, зеленый — лѣтомъ,
Бѣлый — въ зимніе морозы,
Полный вздоховъ, полный пѣсенъ.

„Тѣ веселые потоки
Были видны на долинѣ
По разливамъ ихъ — весною,

По ольхамъ сребристымъ — лѣтомъ,
По туману — въ день осенній,
По руслу — зимой холодной.
Возлѣ нихъ жилъ Навадага
Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ.

„Тамъ онъ пѣлъ о Гайаватѣ,
Пѣлъ мнѣ Пѣснь о Гайаватѣ,—
О его рожденьи дивномъ,
О его великой жизни:
Какъ постился и молился,
Какъ трудился Гайавата,
Чтобъ народъ его былъ счастливъ,
Чтобъ онъ шелъ къ добру и правдѣ“.

Вы, кто любите природу —
Сумракъ лѣса, шопотъ листьевъ,
Въ блескѣ солнечномъ долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительныя рѣки
Въ неприступныхъ дебряхъ бора,
И въ горахъ раскаты грома,
Чтò какъ хлопанье орлиныхъ
Тяжкихъ крыльевъ раздаются,—
Вамъ принесъ я эти саги,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, кто любите легенды
И народныя баллады,
Этотъ голосъ дней минувшихъ,
Голосъ прошлаго, манящій
Къ молчаливому раздумью,
Говорящій такъ по-дѣтски,

Что едва уловитъ ухо,
Пѣсня это, или сказка,—
Вамъ изъ дикихъ странъ принесъ я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, въ чьемъ юномъ, чистомъ сердцѣ
Сохранилась вѣра въ Бога,
Въ искру Божью въ человѣкѣ;
Вы, кто помните, что вѣчно
Человѣческое сердце
Знало горести, сомнѣнья
И порывы къ свѣтлой правдѣ,
Что въ глубокомъ мракѣ жизни
Насъ ведетъ и укрѣпляетъ
Провидѣніе незримо,—
Вамъ безхитростно пою я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, которые, блуждая
По околицамъ зеленымъ,
Гдѣ, склонившись на ограду,
Посѣдѣвшую отъ моха,
Барбарисъ виситъ, краснѣя,
Забываетесь порою
На запущенномъ погостѣ
И читаете въ раздумьѣ
На могильномъ камнѣ надпись,
Неумѣлую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой вѣры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

1. ТРУБКА МИРА.

На горахъ Большой Равнины,
На вершинѣ Красныхъ Камней,
Тамъ стоялъ Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучій,
И съ вершины Красныхъ Камней
Созывалъ къ себѣ народы,
Созывалъ людей отвсюду.

От слѣдовъ его струилась,
Трепетала въ блескѣ утра
Рѣчка, въ пропасти срываясь,
Ишкудой, огнемъ, сверкая.
И перстомъ Владыка Жизни
Начерталъ ей по долинѣ
Путь излучистый, сказавши:
„Вотъ твой путь отнынѣ будетъ!“

Отъ утеса взявши камень,
Онъ слѣпилъ изъ камня трубку
И на ней фигуры сдѣлалъ.
Надъ рѣкою, у прибрежья,
На чубукъ тростинку вырвалъ,
Всю въ зеленыхъ, длинныхъ листьяхъ
Трубку онъ набилъ корою,

Красной ивовой корою,
И дохнулъ на лѣсъ сосѣдній.
Отъ дыханья вѣтви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Яркимъ пламенемъ зажглися;
И на горныхъ высяхъ стоя,
Закурилъ Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Всѣ народы къ совѣщанью.

Дымъ струился тихо, тихо
Въ блескѣ солнечнаго утра:
Прежде — темною полоской,
Послѣ — гуще, синимъ паромъ,
Забѣлѣлъ въ лугахъ клубами,
Какъ зимой вершины лѣса,
Плылъ все выше, выше, выше, —
Наконецъ, коснулся неба
И волнами въ сводахъ неба
Раскатился надъ землею.

Изъ долины Тавазэнта,
Изъ долины Вайоминга,
Изъ лѣсистой Тоскалузы,
Отъ Скалистыхъ Горъ далекихъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Всѣ народы увидали
Отдаленный дымъ Покваны,
Дымъ призывный Трубки Мира.

И пророки всѣхъ народовъ
Говорили: „То Поквана!
Этимъ дымомъ отдаленнымъ,
Чтò сгибается, какъ ива,
Какъ рука, киваетъ, манитъ,

Гитчи Манито могучій
Племена людей сзываетъ,
На совѣтъ зоветъ народы“.

Вдоль потоковъ, по равнинамъ,
Шли вожди отъ всѣхъ народовъ,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Черноногіе и Поны,
Оджибвеи и Дакоты —
Шли къ горамъ Большой Равнины,
Предъ лицо Владыки Жизни.

И въ доспѣхахъ, въ яркихъ краскахъ, —
Словно осенью деревья,
Словно небо на разсвѣтѣ, —
Собрались они въ долинѣ,
Дико глядя другъ на друга
Въ ихъ очахъ — смертельный вызовъ,
Въ ихъ сердцахъ — вражда глухая,
Вѣковая жажда мщенья —
Роковой завѣтъ отъ предковъ.

Гитчи Манито, всесильный,
Сотворившій всѣ народы,
Поглядѣлъ на нихъ съ участьемъ,
Съ отчей жалостью, съ любовью, —
Поглядѣлъ на гнѣвъ ихъ лютый,
Какъ на злобу малолѣтнихъ,
Какъ на ссору въ дѣтскихъ играхъ.

Онъ простеръ къ нимъ сѣнь десницы,
Чтобъ смягчить ихъ нравъ упорный,

Чтобъ смирить ихъ пылъ безумный
Мановеніемъ десницы.
И величественный голосъ,
Голосъ, шуму водъ подобный,
Шуму дальнихъ водопадовъ,
Прозвучалъ ко всѣмъ народамъ,
Говоря: „О, дѣти, дѣти!
Слову мудрости внемлите,
Слову кроткаго совѣта
Отъ того, кто всѣхъ васъ создалъ!

„Далъ я земли для охоты,
Далъ для рыбной ловли воды,
Далъ медвѣдя и бизона,
Далъ оленя и косулю,
Далъ бобра вамъ и казарку;
Я наполнилъ рѣки рыбой,
А болота — дикой птицей:
Чтò жъ ходить васъ заставляетъ
На охоту другъ за другомъ?

„Я усталъ отъ вашихъ распрей,
Я усталъ отъ вашихъ споровъ,
Отъ борьбы кровопролитной,
Отъ молитвъ о кровной мести.
Ваша сила — лишь въ согласьѣ,
А безсиліе — въ разладѣ.
Примиритеся, о, дѣти!
Будьте братьями другъ другу!

„И придетъ Пророкъ на землю
И укажетъ путь къ спасенью;
Онъ наставникомъ вамъ будетъ,
Будетъ жить, трудиться съ вами.

Всѣмъ его совѣтамъ мудрымъ
Вы должны внимать покорно —
И умножатся всѣ роды,
И настанутъ годы счастья.
Если жъ будете вы глухи, —
Вы погибнете въ раздорахъ!

„Погрузитесь въ эту рѣку,
Смойте краски боевыя,
Смойте съ пальцевъ пятна крови;
Закопайте въ землю луки,
Трубки сдѣлайте изъ камня,
Тростниковъ для нихъ нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь, какъ братья!“

Такъ сказалъ Владыка Жизни.
И всѣ воины на землю
Тотчасъ кинули доспѣхи,
Сняли всѣ свои одежды,
Смѣло бросилися въ рѣку,
Смыли краски боевыя.
Свѣтлой, чистою волною
Выше ихъ вода лилася —
Отъ слѣдовъ Владыки Жизни.
Мутной, красною волною
Ниже ихъ вода лилася,
Словно смѣшанная съ кровью.

Смывши краски боевыя,
Вышли воины на берегъ,
Въ землю палицы зарыли,
Погребли въ землѣ доспѣхи.

Гитчи Манито могучій,
Духъ Великій и Создатель,
Встрѣтилъ воиновъ улыбкой.

И въ молчаньи всѣ народы
Трубки сдѣлали изъ камня,
Тростниковъ для нихъ нарвали,
Чубуки убрали въ перья
И пустились въ путь обратный —
Въ ту минуту, какъ завѣса
Облаковъ заколебалась
И въ дверяхъ отверстыхъ неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окруженъ клубами дыма
Отъ Покваны, Трубки Мира.

2. ЧЕТЫРЕ ВѢТРА.

„Слава, слава, Мэджекивисъ!" —
Старцы, воины кричали
Въ день, когда онъ возвратился
И принесъ Священный Вампумъ
Изъ далекихъ странъ Вабассо, —
Царства кролика сѣдого,
Царства Сѣвернаго Вѣтра.

У Великаго Медвѣдя
Онъ укралъ Священный Вампумъ,
Съ толстой шеи Мише-Моквы,
Предъ которымъ трепетали
Всѣ народы, снялъ онъ Вампумъ
Въ часъ, когда на горныхъ высяхъ
Спалъ медвѣдь, тяжелый, грузный,
Какъ утесъ, обросшій мохомъ,
Сѣрымъ мохомъ въ бурыхъ пятнахъ.

Тихо онъ къ нему подкрался,
Такъ подкрался осторожно,
Что его почти касались
Когти красные медвѣдя,
А горячее дыханье
Обдавало жаромъ руки.

Осторожно снялъ онъ Вампумъ
По ушамъ, по длинной мордѣ
Исполина Мише-Моквы;
Ничего не услыхали
Уши круглыя медвѣдя,
Ничего не разглядѣли
Глазки сонные — и только
Изъ ноздрей его дыханье
Обдавало жаромъ руки.

Кончивъ, палицей взмахнулъ онъ,
Крикнулъ громко и протяжно
И ударилъ Мише-Мокву
Въ середину лба съ размаху,
Между глазъ ударилъ прямо!

Словно громомъ оглушенный,
Приподнялся Мише-Моква,
Но едва впередъ подался,
Затряслись его колѣни,
И со стономъ, какъ старуха,
Сѣлъ на землю Мише-Моква.
А могучій Мэджекивисъ
Передъ нимъ стоялъ безъ страха,
Надъ врагомъ смѣялся громко,
Говорилъ съ пренебреженьемъ:

„О, медвѣдь! Ты—Шогодайя!
Всюду хвастался ты силой,
А какъ баба, какъ старуха,
Застоналъ, завылъ отъ боли.
Трусъ! давно уже другъ съ другомъ
Племена враждуютъ наши,
Но теперь ты убѣдился,

Ктȯ безстрашнѣй и сильнѣе.
Уходите прочь съ дороги,
Прячьтесь въ горы, въ лѣсъ скрывайтесь!
Если бъ ты меня осилилъ,
Я бъ не крикнулъ, умирая,
Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Какъ трусливая старуха,
Какъ презрѣнный Шогодайя".

Кончивъ, палицей взмахнулъ онъ,
Вновь ударилъ Мише-Мокву
Въ середину лба съ размаху,
И, какъ ледъ подъ рыболовомъ,
Треснулъ черепъ подъ ударомъ.
Такъ убитъ былъ Мише-Моква,
Такъ погибъ Медвѣдь Великій,
Страхъ и ужасъ всѣхъ народовъ.

„Слава, слава, Мэджекивисъ!—
Восклицалъ народъ въ восторгѣ,—
Слава, слава, Мэджекивисъ!
Пусть отнынѣ и вовѣки
Вѣтромъ Запада онъ будетъ,
Властелиномъ надъ вѣтрами!"
И могучій Мэджекивисъ
Сталъ владыкой надъ вѣтрами.
Вѣтеръ Западный оставилъ
Онъ себѣ, другіе отдалъ
Дѣтямъ: Вебону—Восточный,
Шавондази—теплый Южный,
А Полночный Вѣтеръ дикій
Злому далъ Кабибонноккѣ.

Молодъ и прекрасенъ Вебонъ!
Это онъ приноситъ утро
И серебряныя стрѣлы
Сыплетъ, сумракъ прогоняя,
По холмамъ и по долинамъ;
Это Вебона ланиты
На зарѣ горятъ багрянцемъ,
А призывный голосъ будитъ
И охотника, и звѣря.

Одинокъ на небѣ Вебонъ!
Для него всѣ птицы пѣли,
Для него цвѣты въ долинахъ
Разливали сладкій запахъ,
Для него шумѣли рѣки,
Рощи темныя вздыхали,
Но всегда былъ грустенъ Вебонъ:
Одинокъ онъ былъ на небѣ.

Утромъ разъ, на землю глядя,
Въ часъ, когда спала деревня
И туманъ, какъ привидѣнье,
Надъ рѣкой блуждалъ, бѣлѣя,
Онъ увидѣлъ, что въ долинѣ
Ходитъ дѣва,—собираетъ
Камыши и длинный шпажникъ
Надъ рѣкою по долинѣ.

Съ той поры, на землю глядя,
Только очи голубыя
Видѣлъ Вебонъ на разсвѣтѣ:
Какъ два озера лазурныхъ,
На него они смотрѣли,
И задумчивую дѣву,

Чтó къ нему стремилась сердцемъ,
Полюбилъ прекрасный Вебонъ:
Оба были одиноки,
На землѣ—она, онъ—въ небѣ.

Онъ возлюбленную нѣжилъ
И ласкалъ улыбкой солнца,
Нѣжилъ вкрадчивою рѣчью,
Тихимъ вздохомъ, тихой пѣсней,
Тихимъ шопотомъ деревьевъ,
Ароматомъ бѣлыхъ лилій.
Къ сердцу милую привлекъ онъ,
Яркимъ пурпуромъ окуталъ—
И она затрепетала
На груди его звѣздою.
Такъ донынѣ неразлучно
Въ небесахъ они проходятъ:
Вебонъ, рядомъ Вебонъ-Аннонгъ—
Вебонъ и Звѣзда Разсвѣта.

Въ ледяныхъ горахъ, въ пустынѣ,
Въ царствѣ кролика, Вабассо,
Въ царствѣ вѣчной снѣжной вьюги,
Обиталъ Кабибонокка.
Это онъ осенней ночью
Разрисовываетъ листья
Краской желтой и багряной,
Это онъ приноситъ вьюги,
По лѣсамъ шипитъ и свищетъ,
Покрываетъ льдомъ озера,
Гонитъ чаекъ острокрылыхъ,
Гонитъ цаплю и баклана
Въ камыши, въ морскія бухты,
Въ гнѣзда ихъ на тепломъ югѣ.

Вышелъ разъ Кабибонокка
Изъ своихъ чертоговъ снѣжныхъ
Межъ горами ледяными,
Устремился съ воемъ къ югу
По замерзшимъ, бѣлымъ тундрамъ,
И, осыпанные снѣгомъ,
Волоса его—рѣкою,
Черной, зимнею рѣкою
По землѣ за нимъ струились.

Въ тростникахъ, среди осоки,
На замерзшихъ, бѣлыхъ тундрахъ
Жилъ тамъ Шингебисъ, морянка.
Одиноко въ бѣлыхъ тундрахъ
Проводилъ онъ зиму эту:
Братья Шингебиса были
Въ теплыхъ странахъ Шавондази.

И вскричалъ Кабибонокка
Въ лютомъ гнѣвѣ: „Кто дерзаетъ
Презирать Кабибонокку?
Кто осмѣлился остаться
Въ царствѣ Сѣвернаго Вѣтра,
Если Вава и Шухъ-шухъ-га,
Если дикій гусь и цапля
Ужъ давно на югъ умчались?
Я пойду къ его вигваму,
Я очагъ его разрушу!“

И пришелъ во мракѣ ночи
Ко врагу Кабибонокка.
Онъ намелъ сугробы снѣга,
Завывалъ въ трубѣ вигвама,
Потрясалъ его свирѣпо,

Рвалъ дверныя занавѣски.
Шингебисъ не испугался,
Шингебисъ его не слушалъ!
Въ очагѣ его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ѣлъ онъ съ пѣснями и смѣхомъ.

Ворвался тогда въ жилище
Дикій, злой Кабибонокка;
Шингебисъ отъ стужи вздрогнулъ
Въ ледяномъ его дыханьи,
Но попрежнему смѣялся,
Но попрежнему пѣлъ громко:
Онъ костеръ поправилъ только,
Чтобъ костеръ горѣлъ свѣтлѣе,
Чтобъ кидало пламя искры.

И съ чела Кабибонокки,
Съ косъ его въ снѣгу холодномъ
Стали падать капли пота,
Какъ весною каплетъ съ крыши
Иль съ вѣтвей болиголова.
Побѣжденный этимъ жаромъ,
Раздраженный этимъ пѣньемъ,
Онъ вскочилъ и изъ вигвама
Въ поле бросился, шагая
По рѣкамъ и по озерамъ:
На борьбу надъ бѣлой тундрой
Вызывалъ врага коварно.

Но безъ страха, безъ боязни
Вышелъ Шингебисъ на битву;
До разсвѣта онъ боролся
Съ Вѣтромъ Сѣвернымъ надъ тундрой,

До утра когтями бился
Шингебисъ съ Кабибоноккой.
И безъ силъ Кабибонокка
Отступилъ въ свои владѣнья,
Со стыдомъ бѣжалъ по тундрамъ
Въ царство кролика, Вабассо,
А за нимъ все раздавались
Хохотъ, пѣсни и насмѣшки.

Шавондази, тучный, сонный,
Обиталъ на дальнемъ югѣ,
Гдѣ въ дремотномъ блескѣ солнца
Круглый годъ царило лѣто.
Это онъ шлетъ птицъ весною,
Шлетъ къ намъ ласточку, шлетъ Шошо,
Шлетъ Овейсу, трясогузку,
Опечи шлетъ, реполова,
Гуся, Ваву, шлетъ на сѣверъ,
Шлетъ табакъ душистый, дыни,
Виноградъ въ багряныхъ гроздьяхъ.

Дымъ изъ трубки Шавондази
Небеса туманитъ паромъ,
Наполняетъ нѣгой воздухъ,
Тусклый блескъ даетъ озерамъ,
Очертанья горъ смягчаетъ,
Вѣетъ нѣжной лаской лѣта
Въ теплый Мѣсяцъ Свѣтлой Ночи,
Въ Мѣсяцъ Лыжъ зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!
Лишь одно узналъ онъ горе,
Лишь одну печаль извѣдалъ.
Разъ, смотря на сѣверъ съ юга,

Далеко въ степныхъ равнинахъ
Онъ увидѣлъ утромъ дѣву,
Дѣву съ гибкимъ, стройнымъ станомъ,
Одинокую въ равнинахъ.
Былъ на ней нарядъ зеленый,
И какъ солнце были косы.

День за днемъ потомъ смотрѣлъ онъ,
День за днемъ вздыхалъ онъ страстно,
День за днемъ все больше сердце
Разгоралось въ немъ любовью
Къ дѣвѣ нѣжной, златокудрой.
Но лѣнивъ и неподвиженъ
Былъ безпечный Шавондази,
Да, лѣнивъ и слишкомъ тученъ:
Къ милой онъ пойти все медлилъ,
Онъ сидѣлъ, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой дѣвой прерій.

Наконецъ, однажды утромъ
Увидалъ онъ, что поблекли
Кудри русые у милой, —
Словно первый снѣгъ, бѣлѣютъ.
„О, мой братъ изъ Странъ Полночныхъ,
Изъ далекихъ странъ Вабассо,
Царства Сѣвернаго Вѣтра!
Ты укралъ мою невѣсту,
Завладѣлъ моею милой,
Обольстилъ ее своею
Сказкой Сѣвернаго Вѣтра!“

Такъ несчастный Шавондази
Изливалъ свои страданья,

И бродилъ въ равнинахъ знойный
Южный Вѣтеръ, полный вздоховъ,
Страстныхъ вздоховъ Шавондази.
И наполнился весь воздухъ,
Словно снѣгомъ, бѣлымъ пухомъ:
Погубили вздохи вѣтра
Дѣву съ русыми кудрями,
И отъ взоровъ Шавондази
Навсегда сокрылась дѣва.

О, мечтатель Шавондази!
Не по дѣвушкѣ вздыхалъ ты,
Не на женщину смотрѣлъ ты, —
На цвѣтокъ, на одуванчикъ;
О цвѣткѣ вздыхалъ ты страстно,
На цвѣтокъ глядѣлъ все лѣто
День за днемъ съ любовью томной,
И сгубилъ его навѣки,
Въ полѣ вздохами развѣялъ.
Бѣдный, бѣдный Шавондази!

3. ДѢТСТВО ГАЙАВАТЫ.

Въ лѣтній вечеръ, въ полнолунье,
Въ незапамятное время,
Въ незапамятные годы,
Прямо съ мѣсяца упала
Къ намъ прекрасная Нокомисъ,
Дочь ночныхъ свѣтилъ, Нокомисъ.

Какъ дитя, она играла,
На вѣтвяхъ на виноградныхъ
Межъ подругъ своихъ качалась,
И одна изъ нихъ, сгорая
Злобой ревности и мести,
Эти вѣтви подрубила,
И на Мускодэ упала,
На цвѣтущую долину,
Замирая отъ испуга,
Лѣтнимъ вечеромъ Нокомисъ.
„Вонъ звѣзда упала съ неба!" —
Говорилъ народъ въ селеньяхъ.

Тамъ, на мягкихъ мхахъ и травахъ,
Тамъ, среди стыдливыхъ лилій,
Въ тихой Мускодэ, въ долинѣ,
Въ звѣздномъ блескѣ, въ лунномъ свѣтѣ,

Стала матерью Нокомисъ,
Назвала дочь первородной —
Назвала ее Веноной,
И, какъ лилія въ долинѣ,
Расцвѣла ея Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свѣтъ, прекрасной,
Точно звѣздный отблескъ, нѣжной.

И Нокомисъ часто стала
Говорить, твердить Венонѣ:
„О, страшись, остерегайся
Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна въ долинѣ,
Не ложись въ травѣ межъ лилій!“

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой рѣчи,
И пришелъ къ ней Мэджекивисъ,
Темнымъ вечеромъ подкрался,
Съ тихимъ шопотомъ склоняя
На лугу цвѣты и травы.
Тамъ прекрасная Венона
Межъ цвѣтовъ одна лежала,
Тамъ нашелъ ее коварный
Вѣтеръ Западный — и началъ
Очаровывать Венону
Сладкой рѣчью, нѣжной лаской —
И родился сынъ печали,
Нѣжной страсти и печали,
Дивной тайны — Гайавата.

Такъ родился Гайавата;
А коварный Мэджекивисъ

Безсердечный Мэджекивисъ
Ужъ покинулъ дочь Нокомисъ,
И недолго послѣ билось
Сердце нѣжное Веноны:
Умерла она въ печали.

Долго съ криками рыдала,
Долго плакала Нокомисъ:
„О, зачѣмъ жестокій Погокъ
Не меня унесъ съ собою?
Лучше бъ мнѣ лежать въ могилѣ!
Вагономинъ, вагономинъ!“

На прибрежьѣ Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Съ юныхъ дней жила Нокомисъ,
Дочь ночныхъ свѣтилъ, Нокомисъ.
Позади ея вигвама
Темный лѣсъ стоялъ стѣною —
Чащи темныхъ, мрачныхъ сосенъ,
Чащи елей въ красныхъ шишкахъ,
А предъ нимъ прозрачной влагой
На песокъ плескались волны,
Блескомъ солнца зыбь сверкала
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря.

Тамъ, въ тиши лѣсовъ и моря,
Внука няньчила Нокомисъ,
Въ люлькѣ липовой качала,
Устланной кугой и мохомъ,
Крѣпко связанной ремнями,
И, качая, говорила:
„Спи! А то отдамъ медвѣдю!“
Тамъ, баюкая, пѣвала:

„Эва-ія, мой совенокъ!
Чтó тамъ свѣтится въ вигвамѣ?
Чьи глаза блестятъ въ вигвамѣ?
Эва-ія, мой совенокъ!“

Много-много разсказала
О звѣздахъ ему Нокомисъ;
Показала хвостъ кометы,—
Ишкуду въ огнистыхъ косахъ,
Показала Танецъ Духовъ,
Ихъ блистающія рати
Въ небесахъ Страны Полночной,
Въ Мѣсяцъ Лыжъ морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всѣхъ призраковъ и дýховъ —
Бѣлый путь на темномъ небѣ,
Полномъ призраковъ и дýховъ.

Вечерами, теплымъ лѣтомъ,
У дверей сидѣлъ малютка,
Слушалъ тихій ропотъ сосенъ,
Слушалъ тихій плескъ прибоя,
Звуки дивныхъ словъ и пѣсенъ:
„Минни-вава!“—пѣли сосны,
„Мэдвэй-ошка!“—пѣли волны.

Видѣлъ мушку, Ва-ва-тэйзи,
Чтó, сверкая бѣлой искрой,
Свѣтитъ въ сумракѣ вечернемъ
Надъ травою и кустами,
И тихонько пѣлъ ей пѣсню,
Чтó Нокомисъ научила:
„Ва-ва-тэйзи, Ва-ва-тэйзи!
Крошка, огненная мушка,

Крошка, бѣлый огонечекъ!
Потанцуй еще немножко,
Посвѣти мнѣ, попрыгунья,
Бѣлой искоркой своею:
Скоро я въ постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!"

Видѣлъ, какъ надъ Гитчи-Гюми,
Отражаясь въ Гитчи-Гюми,
Подымался полный мѣсяцъ,
Видѣлъ тѣнь на немъ и пятна,
И шепталъ: „Чтó тамъ, Нокомисъ?"
А Нокомисъ отвѣчала:
„Разъ одинъ сердитый воинъ
Подхватилъ старуху-бабку
И швырнулъ ее на небо,
Зашвырнулъ на мѣсяцъ прямо.
Такъ она тамъ и осталась".

Видѣлъ радугу на небѣ,
На востокѣ, и тихонько
Говорилъ: „Чтó тамъ, Нокомисъ?"
А Нокомисъ отвѣчала:
„Это Мускодэ на небѣ;
Всѣ цвѣты лѣсовъ зеленыхъ,
Всѣ болотныя кувшинки,
На землѣ когда увянутъ,
Расцвѣтаютъ снова въ небѣ".

Если совъ онъ слышалъ въ полночь,—
Вой и хохотъ въ чащѣ лѣса,
Онъ дрожа кричалъ: „Кто это?"
Онъ шепталъ: „Чтó тамъ, Нокомисъ?"
А Нокомисъ отвѣчала:

„Это совы собралися
И по-своему болтаютъ,
Это ссорятся совята!“

Такъ малютка, внукъ Нокомисъ,
Изучилъ весь птичій говоръ,
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ онѣ вьютъ гнѣзда лѣтомъ
Гдѣ живутъ онѣ зимою;
Часто съ ними велъ бесѣды,
Звалъ ихъ всѣхъ: „мои цыплята“.

Всѣхъ звѣрей языкъ узналъ онъ,
Имена ихъ, всѣ ихъ тайны:
Какъ боберъ жилище строитъ,
Гдѣ орѣхи бѣлка прячетъ,
Отчего рѣзва косуля,
Отчего труслявъ Вабассо;
Часто съ ними велъ бесѣды,
Звалъ ихъ: „братья Гайаваты“.

И разсказчикъ сказокъ Ягу,
Говорунъ, хвастунъ великій,
Много по свѣту бродившій,
Вѣрный другъ Нокомисъ старой,
Сдѣлалъ лукъ для Гайаваты:
Лукъ изъ ясеня онъ сдѣлалъ,
Стрѣлы сдѣлалъ онъ изъ дуба,
Наконечники — изъ яшмы,
Тетиву — изъ кожи лани.

И сказалъ онъ Гайаватѣ:
„Ну, мой сынъ, иди скорѣе
Въ лѣсъ, гдѣ держатся олени.
Застрѣли-ка тамъ косулю
Съ развѣтвленными рогами“.

Гордо взялъ свой лукъ и стрѣлы
Гайавата и отважно
Въ лѣсъ пустился; птицы звонко
Пѣли, по лѣсу порхая.
„Не стрѣляй въ насъ, Гайавата!“—
Опечи пѣлъ красногрудый;
„Не стрѣляй въ насъ, Гайавата!“—
Пѣлъ Овейса синеперый.

На дубу надъ Гайаватой
Внизъ и вверхъ скакала бѣлка,
Межъ зеленыхъ листьевъ дуба
Съ кашлемъ прыгала, смѣялась
И смѣясь пробормотала:
„Пощади, о, Гайавата!“

И вприпрыжку бѣлый кроликъ
Робко бросился съ тропинки,
Сталъ вдали на заднихъ лапкахъ
И охотнику промолвилъ
Хоть и въ шутку, но трусливо:
„Пощади, о, Гайавата!“

Но не слушалъ Гайавата,—
Точно сонный, брелъ онъ лѣсомъ,
Думалъ только объ оленѣ,
Слѣдъ его искалъ глазами,
Слѣдъ, что́ велъ къ рѣчному броду,
По тропѣ къ рѣчному броду.

За ольховыми кустами
Сѣлъ и выждалъ онъ оленя,
Увидалъ два глаза въ чащѣ,
Увидалъ надъ ней два рога,
Ноздри, поднятыя къ вѣтру,
Увидалъ и морду звѣря

Подъ листвою, въ пятнахъ свѣта,
И, какъ легкій листъ березы,
Сердце въ немъ затрепетало,
Какъ ольха, весь задрожалъ онъ,
Увидавъ надъ бродомъ звѣря.

На одно колѣно ставши,
Онъ прицѣлился въ оленя.
Только вѣтка шевельнулась,
Только листикъ закачался,
Но олень ужъ встрепенулся,
Отшатнувшись, топнулъ въ землю,
Чутко всталъ, поднявъ копыто,
Прыгнулъ, точно ждалъ удара.

Ахъ, онъ шелъ навстрѣчу смерти!
Какъ оса, стрѣла запѣла,
Какъ оса, въ него впилася!

Мертвый онъ лежалъ у брода,
Межъ деревьевъ, надъ рѣкою;
Сердце въ немъ уже не билось,
Но зато у Гайаваты
Сердце такъ и трепетало,
Какъ домой онъ несъ оленя
И ему рукоплескали
Старый Ягу и Нокомисъ.

Изъ оленьей пестрой шкуры
Внуку плащъ Нокомисъ сшила,
Созвала сосѣдей въ гости,
Пиръ дала въ честь Гайаваты.
Вся деревня собралася,
Всѣ сосѣди называли
Гайавату храбрымъ, сильнымъ—
Сон-джи-тэгэ, Ман-го-тэйзи!

4. ГАЙАВАТА И МЭДЖЕКИВИСЪ.

Миновали годы дѣтства,
Возмужалъ мой Гайавата;
Игры юности безпечной,
Стариковъ житейскій опытъ,
Трудъ, охотничьи сноровки—
Все постигъ онъ, все извѣдалъ.

Рѣзвы ноги Гайаваты!
Запустивъ стрѣлу изъ лука,
Онъ бѣжалъ за ней такъ быстро,
Что стрѣлу опережалъ онъ.
Мощны руки Гайаваты!
Десять разъ, не отдыхая,
Могъ согнуть онъ лукъ упругій
Такъ легко, что догоняли
На лету другъ друга стрѣлы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы, Минджикэвонъ,
Изъ оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать онъ могъ въ нихъ скалы,
Раздроблять въ песчинки камни.
Мокассины Гайаваты

Изъ оленьей мягкой шкуры
Волшебство въ себѣ таили:
Привязавши ихъ къ лодыжкамъ,
Прикрѣпивъ къ ногамъ ремнями,
Съ каждымъ шагомъ Гайавата
Могъ по цѣлой мили дѣлать.

Объ отцѣ своемъ нерѣдко
Онъ разспрашивалъ Нокомисъ,
И повѣдала Нокомисъ
Внуку тайну роковую:
Разсказала, какъ прекрасна,
Какъ нѣжна была Венона,
Какъ сгубилъ ее измѣной
Вѣроломный Мэджекивисъ,
И, какъ уголь, разгорѣлось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Онъ сказалъ Нокомисъ старой.
„Я иду къ отцу, Нокомисъ,
Я хочу его провѣдать
Въ царствѣ Западнаго Вѣтра,
У преддверія Заката“.

Изъ вигвама выходилъ онъ,
Снарядившись въ путь далекій,
Въ рукавицахъ, Минджикэвонъ,
И волшебныхъ мокассинахъ.
Весь нарядъ его богатый
Изъ оленьей мягкой шкуры
Зернью вампума украшенъ
И щетиной дикобраза.
Голова его—въ орлиныхъ
Развѣвающихся перьяхъ,

За плечомъ его, въ колчанѣ—
Изъ дубовыхъ вѣтокъ стрѣлы,
Оперенныя искусно
И оправленныя въ яшму,
А въ рукахъ его—упругій
Лукъ изъ ясеня, согнутый
Тетивой изъ жилъ оленя.

Осторожная Нокомисъ
Говорила Гайаватѣ:
„Не ходи, о, Гайавата,
Въ царство Западнаго Вѣтра:
Онъ убьетъ тебя коварствомъ,
Волшебствомъ своимъ погубитъ".

Но отважный Гайавата
Не внималъ ея совѣтамъ,
Уходилъ онъ отъ вигвама,
Съ каждымъ шагомъ дѣлалъ милю.
Мрачнымъ лѣсъ ему казался,
Мрачнымъ—сводъ небесъ надъ лѣсомъ,
Воздухъ—душнымъ и горячимъ,
Полнымъ дыма, полнымъ гари,
Какъ въ пожаръ лѣсовъ и прерій:
Словно уголь, разгоралось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Такъ держалъ онъ путь далекій
Все на западъ и на западъ
Легче быстраго оленя,
Легче лани и бизона,
Переплылъ онъ Эсконабо,
Переплылъ онъ Миссисипи,
Миновалъ Степныя Горы,
Миновалъ степныя страны

И Лисицъ и Черноногихъ,
И пришелъ къ Горамъ Скалистымъ,
Въ царство Западнаго Вѣтра,
Въ царство бурь, гдѣ на вершинахъ
Возсѣдалъ Владыка Вѣтровъ,
Престарѣлый Мэджекивисъ.

Съ тайнымъ страхомъ Гайавата
Предъ отцомъ остановился:
Дико въ воздухѣ клубились,
Облаками развѣвались
Волоса его сѣдые,
Словно снѣгъ, они блестѣли,
Словно пламенныя косы
Ишкуды, они сверкали.

Съ тайной радостью увидѣлъ
Мэджекивисъ Гайавату:
Это молодости годы
Передъ нимъ воскресли къ жизни,
Это встала изъ могилы
Красота Веноны нѣжной.

„Будь здоровъ, о, Гайавата!—
Такъ промолвилъ Мэджекивисъ:—
Долго ждалъ тебя я въ гости
Въ царство Западнаго Вѣтра!
Годы старости—печальны,
Годы юности—отрадны.
Ты напомнилъ мнѣ былое,
Юность пылкую напомнилъ
И прекрасную Венону!“

Много дней прошло въ бесѣдѣ,
Долго мощный Мэджекивисъ

Похвалялся Гайаватѣ
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорилъ, что дивной силой
Онъ отъ смерти заколдованъ.

Молча слушалъ Гайавата,
Какъ хвалился Мэджекивисъ,
Терпѣливо и съ улыбкой
Онъ сидѣлъ и молча слушалъ.
Ни угрозой, ни укоромъ,
Ни однимъ суровымъ взглядомъ
Онъ не выказалъ досады,
Но, какъ уголь, разгоралось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

И сказалъ онъ: „Мэджекивисъ!
Неужель ничто на свѣтѣ
Погубить тебя не можетъ?"
И могучій Мэджекивисъ
Величаво, благосклонно
Отвѣчалъ: „Ничто на свѣтѣ,
Кромѣ вонъ того утеса,
Кромѣ Вавбика, утеса!"
И, взглянувъ на Гайавату
Взоромъ мудрости спокойной,
По-отечески любуясь
Красотой его и мощью,
Онъ сказалъ: „О, Гайавата!
Неужель ничто на свѣтѣ
Погубить тебя не можетъ?"

Помолчалъ одну минуту
Осторожный Гайавата,

Помолчалъ, какъ бы въ сомнѣньи,
Помолчалъ, какъ бы въ раздумьѣ,
И сказалъ: „Ничто на свѣтѣ.
Лишь одинъ тростникъ, Эпоква,
Лишь вонъ тотъ камышъ высокій!“
И какъ только Мэджекивисъ,
Вставъ, простеръ къ Эпоквѣ руку,
Гайавата въ страхѣ крикнулъ,
Въ лицемѣрномъ страхѣ крикнулъ:
„Каго, каго! — Не касайся!“
„Полно! — молвилъ Мэджекивисъ,—
Успокойся,—я не трону“.

И опять они бесѣду
Продолжали; говорили
И о Вебонѣ прекрасномъ,
И о тучномъ Шавондази,
И о зломъ Кабибоноккѣ;
Говорили о Венонѣ,
О ея рожденьи дивномъ,
О ея кончинѣ грустной, —
Обо всемъ, что́ разсказала
Внуку старая Нокомисъ.

И воскликнулъ Гайавата:
„О, коварный Мэджекивисъ!
Это ты убилъ Венону,
Ты сорвалъ цвѣтокъ весенній,
Растопталъ его ногами!
Признавайся! Признавайся!“
И могучій Мэджекивисъ
Тихо голову сѣдую
Опустилъ въ тоскѣ глубокой,
Въ знакъ безмолвнаго согласья.

Быстро всталъ тогда, сверкая
Грознымъ взоромъ, Гайавата,
На утесъ занесъ онъ руку
Въ рукавицѣ, Минджикэвонъ,
Разломилъ его вершину,
Раздробилъ его въ осколки,
Сталъ въ отца швырять свирѣпо:
Словно уголь, разгорѣлось
Гнѣвомъ сердце Гайаваты.

Но могучій Мэджекивисъ
Камни гналъ назадъ дыханьемъ,
Бурей гнѣвнаго дыханья
Гналъ назадъ, на Гайавату.
Онъ схватилъ рукой Эпокву,
Вырвалъ съ мочками, съ корнями, —
Надъ рѣкой изъ вязкой тины
Вырвалъ бѣшено Эпокву
Онъ подъ хохотъ Гайаваты.

И начался бой смертельный
Межъ Скалистыми Горами!
Самъ Орелъ Войны могучій
На гнѣздѣ поднялся съ крикомъ,
Съ рѣзкимъ крикомъ сѣлъ на скалы,
Хлопалъ крыльями надъ ними.
Словно дерево подъ бурей,
Разсѣкалъ Эпоква воздухъ;
Словно градъ, летѣли камни
Съ трескомъ съ Вавбика, утеса,
И земля окрестъ дрожала,
И на тяжкій грохотъ боя
По горамъ гремѣло эхо,
Отзывалося: „Бэмъ-Вава!“

Отступать сталъ Мэджекивисъ,
Устремился онъ на западъ,
По горамъ на дальній западъ,
Отступалъ три дня, сражаясь,
Убѣгалъ, гонимый сыномъ,
До преддверія Заката,
До границъ своихъ владѣній,
До конца земли, гдѣ солнце
Въ красномъ блескѣ утопаетъ
На ночлегъ въ воздушной безднѣ,
Опускаясь, какъ фламинго
Опускается зарею
На печальное болото.

„Удержись, о, Гайавата! —
Наконецъ вскричалъ онъ громко: —
Ты убить меня не въ силахъ,
Для безсмертнаго нѣтъ смерти.
Испытать тебя хотѣлъ я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужилъ ты!

„Возвратись въ родную землю,
Къ своему вернись народу,
Съ нимъ живи и съ нимъ работай.
Ты расчистить долженъ рѣки,
Сдѣлать землю плодоносной,
Умертвить чудовищъ злобныхъ,
Змѣй, Кинэбикъ, и гигантовъ,
Какъ убилъ я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

„А когда твой часъ настанетъ,
И заблещутъ надъ тобою

Очи Погока изъ мрака,—
Раздѣлю съ тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Надъ Кивайдиномъ вовѣки!"

Вотъ какая разыгралась
Битва въ грозные дни Ша-ша,
Въ дни далекаго былого,
Въ царствѣ Западнаго Вѣтра.
Но слѣды той славной битвы
И теперь охотникъ видитъ
По холмамъ и по долинамъ:
Видитъ шпажникъ исполинскій
На прудахъ и вдоль потоковъ,
Видитъ Вавбика осколки
По холмамъ и по долинамъ.

На востокъ, въ родную землю,
Гайавата путь направилъ.
Позабылъ онъ горечь гнѣва,
Позабылъ о мщеньи думы,
И вокругъ него отрадой
И весельемъ все дышало.

Только разъ онъ путь замедлилъ,
Только разъ остановился,
Чтобъ купить въ странѣ Дакотовъ
Наконечниковъ на стрѣлы.
Тамъ, въ долинѣ, гдѣ смѣялись,
Гдѣ блистали, низвергаясь
Межъ зелеными дубами,
Водопады Миннегаги,
Жилъ старикъ, дакотъ суровый.

Дѣлалъ онъ головки къ стрѣламъ,
Острея изъ халцедона,
Изъ кремня и крѣпкой яшмы,
Отшлифованныя гладко,
Заостренныя, какъ иглы.

Тамъ жила съ нимъ дочь-невѣста,
Быстроногая, какъ рѣчка,
Своенравная, какъ брызги
Водопадовъ Миннегаги.
Въ блескѣ черныхъ глазъ играли
У нея и свѣтъ и тѣни, —
Свѣтъ улыбки, тѣни гнѣва;
Смѣхъ ея звучалъ, какъ пѣсня,
Какъ потокъ, струились косы,
И Смѣющейся Водою
Въ честь рѣки ее назвалъ онъ,
Въ честь веселыхъ водопадовъ
Далъ ей имя — Миннегага.

Такъ ужели Гайавата
Заходилъ въ страну Дакотовъ,
Чтобъ купить головокъ къ стрѣламъ,
Наконечниковъ изъ яшмы,
Изъ кремня и халцедона?
Не затѣмъ ли, чтобъ украдкой
Посмотрѣть на Миннегагу,
Встрѣтить взоръ ея пугливый,
Услыхать одежды шорохъ
За дверною занавѣской,
Какъ глядятъ на Миннегагу,
Что́ горитъ сквозь вѣтви лѣса,
Какъ внимаютъ водопаду
За зеленой чащей лѣса?

Кто разскажетъ, что́ таится
Въ молодомъ и пылкомъ сердцѣ?
Какъ узнать, о чемъ въ дорогѣ
Сладко ґрезилъ Гайавата?
Все Нокомисъ разсказалъ онъ,
Возвратясь домой подъ вечеръ,
О борьбѣ и о бесѣдѣ
Съ Мэджекивисомъ могучимъ,
Но о дѣвушкѣ, о стрѣлахъ
Не обмолвился ни словомъ!

5. ПОСТЪ ГАЙАВАТЫ.

Вы услышите сказанье,
Какъ въ лѣсной глуши постился
И молился Гайавата:
Не о ловкости въ охотѣ,
Не о славѣ и побѣдахъ,
Но о счастіи, о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

Предъ постомъ онъ приготовилъ
Для себя въ лѣсу жилище,—
Надъ блестящимъ Гитчи-Гюми,
Въ дни весенняго расцвѣта,
Въ свѣтлый, теплый Мѣсяцъ Листьевъ
Онъ вигвамъ себѣ построилъ
И, въ видѣньяхъ, въ дивныхъ грезахъ,
Семь ночей и дней постился.

Въ первый день поста бродилъ онъ
По зеленымъ тихимъ рощамъ;
Видѣлъ кролика онъ въ норкѣ,
Въ чащѣ выпугнулъ оленя,
Слышалъ, какъ фазанъ кудахталъ,
Какъ въ дуплѣ возилась бѣлка,
Видѣлъ, какъ подъ тѣнью сосенъ

Вьетъ гнѣздо Омими, голубь,
Какъ стада гусей летѣли
Съ заунывнымъ крикомъ, съ шумомъ
Къ дикимъ сѣвернымъ болотамъ.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависитъ?“

На другой день надъ рѣкою,
Вдоль по Мускодэ, бродилъ онъ,
Видѣлъ тамъ онъ Маномони
И Минагу, голубику,
И Одаминъ, землянику,
Кустъ крыжовника, Шабоминъ,
И Бимагутъ, виноградникъ,
Чтó зеленою гирляндой,
Разливая сладкій запахъ,
По ольховымъ сучьямъ вьется.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависитъ?“

Въ третій день сидѣлъ онъ долго,
Погруженный въ размышленья,
Возлѣ озера, надъ тихой,
Надъ прозрачною водою.
Видѣлъ онъ, какъ прыгалъ Нама,
Сыпля брызги, словно жемчугъ;
Какъ рѣзвился окунь, Сава,
Словно солнца лучъ сіяя,
Видѣлъ щуку, Маскенозу,
Сельдь рѣчную, Окагависъ,

Шогаши, морского рака.
„Гитчи Манито!—вскричалъ онъ,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь отъ нихъ зависитъ?“

На четвертый день до ночи
Онъ лежалъ въ изнеможеньи
На листвѣ въ своемъ вигвамѣ.
Въ полуснѣ надъ нимъ роились
Грезы, смутныя видѣнья;
Вдалекѣ вода сверкала
Зыбкимъ золотомъ, и плавно
Все кружилось и горѣло
Въ пышномъ заревѣ заката.

И увидѣлъ онъ: подходитъ
Въ полусумракѣ пурпурномъ,
Въ пышномъ заревѣ заката,
Стройный юноша къ вигваму.
Голова его—въ блестящихъ,
Развѣвающихся перьяхъ,
Кудри—мягки, золотисты,
А нарядъ — зелено-желтый.

У дверей остановившись,
Долго съ жалостью, съ участьемъ
Онъ смотрѣлъ на Гайавату,
На лицо его худое,
И, какъ вздохи Шавондази
Въ чащѣ лѣса,—прозвучала
Рѣчь его: „О, Гайавата!
Голосъ твой услышанъ въ небѣ,
Потому что ты молился

Не о ловкости въ охотѣ,
Не о славѣ и побѣдахъ,
Но о счастіи, о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

„Для тебя Владыкой Жизни
Посланъ другъ людей—Мондаминъ;
Посланъ онъ тебѣ повѣдать,
Что въ борьбѣ, въ трудѣ, въ терпѣньи
Ты получишь все, чтó просишь.
Встань съ вѣтвей, съ зеленыхъ листьевъ,
Встань съ Мондаминомъ бороться!“

Изнуренъ былъ Гайавата,
Слабъ отъ голода, но быстро
Всталъ съ вѣтвей, съ зеленыхъ листьевъ.
Изъ стемнѣвшаго вигвама
Вышелъ онъ на свѣтъ заката,
Вышелъ съ юношей бороться —
И едва его коснулся,
Вновь почувствовалъ отвагу,
Ощутилъ въ груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
Въ пышномъ заревѣ заката,
И все крѣпче, все сильнѣе
Гайавата становился.
Но спустились тѣни ночи,
И Шухъ-шухъ-га на болотѣ
Издала свой крикъ тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

„Кончимъ!—вымолвилъ Мондаминъ,
Улыбаясь Гайаватѣ,—

Завтра снова приготовься
На закатѣ къ испытанью".
И, сказавъ, исчезъ Мондаминъ.
Опустился ли онъ тучкой,
Иль поднялся, какъ туманы,—
Гайавата не замѣтилъ;
Видѣлъ только, что исчезъ онъ,
Истомивъ его борьбою,
Что внизу, въ ночномъ туманѣ,
Смутно озеро бѣлѣетъ,
А вверху мерцаютъ звѣзды.

Такъ два вечера,—лишь только
Опускалось тихо солнце
Съ неба въ западныя воды,
Погружалось въ нихъ, краснѣя,
Словно уголь, раскаленный
Въ очагѣ Владыки Жизни,—
Приходилъ къ нему Мондаминъ.
Молчаливо появлялся,
Какъ роса на землю сходитъ,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьевъ,
Но невидимая смертнымъ
Въ часъ прихода и ухода.

На лугу они кружились
Въ пышномъ заревѣ заката;
Но спустились тѣни ночи,
Прокричала на болотѣ
Громко, жалобно Шухъ-шухъ-га,
И задумался Мондаминъ;
Стройный станомъ и прекрасный,

Онъ стоялъ въ своемъ нарядѣ;
Въ головномъ его уборѣ
Перья вѣяли, качались,
На челѣ его сверкали
Капли пота, какъ росинки.

И вскричалъ онъ: „Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,
Трижды стойко ты боролся,
И пошлетъ Владыка Жизни
Надо мной тебѣ побѣду!“

А потомъ сказалъ съ улыбкой:
„Завтра кончится твой искусъ—
И борьба и постъ тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;
Приготовь тогда мнѣ ложе
Такъ, чтобъ могъ весенній дождикъ
Освѣжать меня, а солнце—
Согрѣвать до самой ночи.
Мой нарядъ зелено-желтый,
Головной уборъ изъ перьевъ
Оборви съ меня ты смѣло,
Схорони меня и землю
Разровняй и сдѣлай мягкой.

„Стереги мой сонъ глубокій,
Чтобъ никто меня не трогалъ,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Воронъ,
Не леталъ къ моей могилѣ.
Стереги мой сонъ глубокій
До поры, когда проснусь я,

Къ солнцу свѣтлому воспряну!"
И, сказавъ, исчезъ Мондаминъ.

Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата;
Слышалъ онъ, какъ пѣлъ уныло
Полуночникъ, Вавонэйса,
Надъ вигвамомъ одинокимъ;
Слышалъ онъ, какъ, убѣгая,
Сибовиша говорливый
Велъ бесѣды съ темнымъ лѣсомъ;
Слышалъ шорохъ—вздохи вѣтокъ,
Что̀ склонялись, подымались,
Съ вѣтеркомъ ночнымъ качаясь.
Слышалъ все, но все сливалось
Въ дальній ропотъ, сонный шопотъ:
Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата.

На зарѣ пришла Нокомисъ,
На седьмое утро пищи
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубитъ голодъ,
Если пищи онъ не приметъ.

Ничего онъ не отвѣдалъ,
Ни къ чему не прикоснулся,
Лишь промолвилъ ей: „Нокомисъ!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнѣетъ
И Шухъ-шухъ-га громкимъ крикомъ
Возвѣститъ, что день оконченъ!"

Плача шла домой Нокомисъ,
Все тоскуя, опасаясь,

Что его погубитъ голодъ.
Онъ же сталъ, томясь тоскою,
Ждать Мондамина. И тѣни
Потянулись отъ заката
По лѣсамъ и по долинамъ;
Опустилось тихо солнце
Съ неба въ Западныя Воды,
Какъ спускается зарею
Въ воду красный листъ осеннiй
И въ водѣ, краснѣя, тонетъ.

Глядь—ужъ тутъ Мондаминъ юный,
У дверей стоитъ съ привѣтомъ!
Голова его—въ блестящихъ,
Развѣвающихся перьяхъ,
Кудри—мягки, золотисты,
А нарядъ—зелено-желтый.

Какъ во снѣ къ нему навстрѣчу
Всталъ, измученный и блѣдный,
Гайавата, но безстрашно
Вышелъ—и бороться началъ.

И слились земля и небо,
Замелькали предъ глазами!
Какъ осетръ въ сѣтяхъ трепещетъ,
Бьется бѣшено, чтобъ сѣти
Разорвать и прыгнуть въ воду,
Такъ въ груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненныя кольца,
Горизонтъ сверкалъ кровавый
И кружился съ Гайаватой;
Сотни солнцевъ, разгораясь,
На борьбу его глядѣли.

Вдругъ одинъ среди поляны
Очутился Гайавата.

Онъ стоялъ, ошеломленный
Этой дикою борьбою,
И дрожалъ отъ напряженья;
А предъ нимъ, въ измятыхъ перьяхъ
И въ изорванныхъ одеждахъ,
Бездыханный, неподвижный,
На травѣ лежалъ Мондаминъ,
Мертвый, въ заревѣ заката.

Побѣдитель Гайавата
Сдѣлалъ такъ, какъ приказалъ онъ:
Снялъ съ Мондамина одежды,
Снялъ изломанныя перья,
Схоронилъ его и землю
Разровнялъ и сдѣлалъ мягкой.
И среди болотъ печальныхъ
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
Издала свой крикъ тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

Въ отчій домъ, въ вигвамъ Нокомисъ
Возвратился Гайавата,
И семь сутокъ испытанья
Въ этотъ вечеръ завершились.
Но запомнилъ Гайавата
Тѣ мѣста, гдѣ онъ боролся,
Не покинулъ безъ призора
Ту могилу, гдѣ Мондаминъ
Почивалъ, въ землѣ зарытый,
Подъ дождемъ и яркимъ солнцемъ.

День за днемъ надъ той могилой
Сторожилъ мой Гайавата,

Чтобы холмъ ея былъ мягкимъ,
Не заросъ травою сорной,
Прогоняя свистомъ, крикомъ
Кагаги съ его народомъ.

Наконецъ зеленый стебель
Показался надъ могилой,
А за нимъ—другой и третій,
И не кончилося лѣто,
Какъ въ своемъ уборѣ пышномъ,
Въ золотистыхъ, мягкихъ косахъ,
Всталъ высокій, стройный маисъ.
И воскликнулъ Гайавата
Въ восхищеніи: „Мондаминъ!
Это̀ другъ людей, Мондаминъ!“

Тотчасъ кликнулъ онъ Нокомисъ,
Кликнулъ Ягу, разсказалъ имъ
О своемъ видѣньи дивномъ,
О своей борьбѣ, побѣдѣ,
Показалъ зеленый маисъ—
Даръ небесный всѣмъ народамъ,
Что̀ для нихъ быть долженъ пищей.

А позднѣй, когда, подъ осень,
Пожелтѣлъ созрѣвшій маисъ,
Пожелтѣли, стали тверды
Зерна маиса, какъ жемчугъ,
Онъ собралъ его початки,
Снявъ съ него листву сухую,
Какъ съ Мондамина когда-то
Снялъ одежды,— и впервые
„Пиръ Мондамина“ устроилъ,
Показалъ всему народу
Новый даръ Владыки Жизни.

6. ДРУЗЬЯ ГАЙАВАТЫ.

Было два у Гайаваты
Неизмѣнныхъ, вѣрныхъ друга.
Сердце, душу Гайаваты
Знали въ радостяхъ и въ горѣ
Только двое: Чайбайабосъ,
Музыкантъ, и мощный Квазиндъ.

Межъ вигвамовъ ихъ тропинка
Не могла въ травѣ заглохнуть;
Сплетни, лживые навѣты
Не могли посѣять злобы
И раздора между ними:
Обо всемъ они держали
Лишь втроемъ совѣтъ согласный,
Обо всемъ съ открытымъ сердцемъ
Говорили межъ собою
И стремились только къ благу
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

Лучшимъ другомъ Гайаваты
Былъ прекрасный Чайбайабосъ,
Музыкантъ, пѣвецъ великій,
Несравненный, небывалый.
Былъ, какъ воинъ, онъ отваженъ,

Но, какъ дѣвушка, былъ нѣженъ,
Словно вѣтка ивы, гибокъ,
Какъ олень рогатый, статенъ.

Если пѣлъ онъ, вся деревня
Собиралась пѣсни слушать,
Жены, воины сходились,
И то нѣжностью, то страстью
Волновалъ ихъ Чайбайабосъ.

Изъ тростинки сдѣлавъ флейту,
Онъ игралъ такъ нѣжно, сладко,
Что въ лѣсу смолкали птицы,
Затихалъ ручей игривый,
Замолкала Аджидомо,
А Вабассо осторожный
Присѣдалъ, смотрѣлъ и слушалъ.

Да! Примолкнулъ Сибовиша
И сказалъ: „О, Чайбайабосъ!
Научи мои ты волны
Мелодичнымъ, нѣжнымъ звукамъ!"

Да! Завистливо Овэйса
Говорилъ: „О, Чайбайабосъ!
Научи меня безумнымъ,
Страстнымъ звукамъ дикихъ пѣсенъ!"

Да! И Опечи веселый
Говорилъ: „О, Чайбайабосъ!
Научи меня веселымъ,
Сладкимъ звукамъ нѣжныхъ пѣсенъ!"

И, рыдая, Вавонэйса
Говорилъ: „О, Чайбайабосъ!

Научи меня тоскливымъ,
Скорбнымъ звукамъ скорбныхъ пѣсенъ!“

Вся природа сладость звуковъ
У него перенимала,
Всѣ сердца смягчалъ и трогалъ
Страстной пѣсней Чайбайабосъ,
Ибо пѣлъ онъ о свободѣ,
Красотѣ, любви и мирѣ,
Пѣлъ о смерти, о загробной
Безконечной, вѣчной жизни,
Воспѣвалъ Страну Понима
И Селенія Блаженныхъ.

Дорогъ сердцу Гайаваты
Кроткій, милый Чайбайабосъ,
Музыкантъ, пѣвецъ великій,
Несравненный, небывалый!
Онъ любилъ его за нѣжность
И за чары звучныхъ пѣсенъ.

Дорогъ сердцу Гайаваты
Былъ и Квазиндъ,— самый мощный
И незлобивый изъ смертныхъ;
Онъ любилъ его за силу,
Доброту и простодушье.

Квазиндъ въ юности лѣнивъ былъ,
Вялъ, мечтателенъ, безпеченъ;
Не игралъ ни съ кѣмъ онъ въ дѣтствѣ,
Не удилъ въ заливѣ рыбы,
Не охотился за звѣремъ,—
Не похожъ онъ былъ на прочихъ.
Но постился Квазиндъ часто,

Своему молился Духу,
Покровителю молился.

„Квазиндъ,— мать ему сказала,—
Ты ни въ чемъ мнѣ не поможешь!
Лѣто ты, какъ сонный, бродишь
Праздно по полямъ и рощамъ,
Зиму грѣешься, согнувшись
Надъ костромъ среди вигвама;
Въ самый лютый зимній холодъ
Я хожу на ловлю рыбы,—
Ты и тутъ мнѣ не поможешь!
У дверей виситъ мой неводъ,
Онъ намокъ и замерзаетъ,—
Встань, возьми его, лѣнивецъ,
Выжми, высуши на солнцѣ!"

Неохотно, но спокойно
Квазиндъ всталъ съ золы остывшей,
Молча вышелъ изъ вигвама,
Скинулъ смерзшіяся сѣти,
Что́ висѣли у порога,
Стиснулъ ихъ, какъ пукъ соломы,
И сломалъ, какъ пукъ соломы!
Онъ не могъ не изломать ихъ:
Вотъ насколько былъ онъ силенъ!

„Квазиндъ! — разъ отецъ промолвилъ,—
Собирайся на охоту.
Лукъ и стрѣлы постоянно
Ты ломаешь, какъ тростинки,
Такъ хоть будешь мнѣ добычу
Приносить домой изъ лѣса".

Вдоль ущелья, по теченью
Ручейка. они спускались

По слѣдамъ бизоновъ, ланей,
Отпечатаннымъ на илѣ,
И наткнулись на преграду:
Повалившіяся сосны
Поперекъ и вдоль дороги
Весь проходъ загромождали.

„Мы должны,—промолвилъ старецъ,—
Ворочаться: тутъ не влѣзешь!
Тутъ и бѣлка не взберется,
Тутъ сурокъ пролѣзть не сможетъ".
И сейчасъ же вынулъ трубку,
Закурилъ и сѣлъ въ раздумьѣ.
Но не выкурилъ онъ трубки,
Какъ ужъ путь былъ весь расчищенъ:
Всѣ деревья Квазиндъ поднялъ,
Быстро вправо и налѣво
Раскидалъ, какъ стрѣлы, сосны,
Разметалъ, какъ копья, кедры.

„Квазиндъ!—юноши сказали,
Забавляясь на долинѣ,—
Чтó же ты стоишь, глазѣешь,
На утесъ облокотившись?
Выходи, давай бороться,
Въ цѣль бросать изъ пращи камни".

Вялый Квазиндъ не отвѣтилъ,
Ничего имъ не отвѣтилъ,
Только всталъ и, повернувшись,
Обхватилъ утесъ руками,
Изъ земли его онъ вырвалъ,
Раскачалъ надъ головою
И забросилъ прямо въ рѣку,

Прямо въ быструю Повэтинъ.
Такъ утесъ тамъ и остался.

Разъ по пѣнистой пучинѣ,
По стремительной Повэтинъ,
Плылъ съ товарищами Квазиндъ
И вождя бобровъ, Амика,
Увидалъ среди потока:
Съ быстриной боберъ боролся,
То всплывая, то ныряя.

Не задумавшись нимало,
Квазиндъ молча прыгнулъ въ рѣку,
Скрылся въ пѣнистой пучинѣ,
Сталъ преслѣдовать Амика
По ея водоворотамъ,
И въ водѣ пробылъ такъ долго,
Что товарищи вскричали:
„Горе намъ! Погибъ нашъ Квазиндъ!
Не вернется больше Квазиндъ!“
Но торжественно онъ выплылъ:
На плечѣ его блестящемъ
Вождь бобровъ висѣлъ убитый,
И съ него вода струилась.

Таковы у Гайаваты
Были вѣрные два друга.
Долго съ ними жилъ онъ въ мирѣ,
Много велъ бесѣдъ сердечныхъ,
Много думалъ думъ о благѣ
Всѣхъ племенъ и всѣхъ народовъ.

7. ПИРОГА ГАЙАВАТЫ.

Дай коры мнѣ, о, Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что́ высишься въ долинѣ
Стройнымъ станомъ надъ потокомъ!
Я свяжу себѣ пиро́гу,
Легкій челнъ себѣ построю,
И въ водѣ онъ будетъ плавать,
Словно желтый листъ осенній,
Словно желтая кувшинка!

„Скинь свой бѣлый плащъ, Береза!
Скинь свой плащъ изъ бѣлой кожи:
Скоро лѣто къ намъ вернется,
Жарко свѣтитъ солнце въ небѣ,
Бѣлый плащъ тебѣ не нуженъ!“

Такъ надъ быстрой Таквамино,
Въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ,
Восклицалъ мой Гайавата
Въ часъ, когда всѣ птицы пѣли,
Воспѣвали Мѣсяцъ Листьевъ,
И, отъ сна возставши, солнце
Говорило: „Вотъ я — Гизисъ,
Я, великій Гизисъ, солнце!“

До корней затрепетала
Каждымъ листикомъ береза,
Говоря съ покорнымъ вздохомъ:
„Скинь мой плащъ, о, Гайавата!“

И ножомъ кору березы
Опоясалъ Гайавата
Ниже вѣтокъ, выше корня,
Такъ, что брызнулъ сокъ наружу;
По стволу, съ вершины къ корню,
Онъ потомъ кору разрѣзалъ,
Деревяннымъ клиномъ поднялъ,
Осторожно снялъ съ березы.

„Дай, о, Кедръ, вѣтвей зеленыхъ,
Дай мнѣ гибкихъ, крѣпкихъ сучьевъ,
Помоги пиро́гу сдѣлать
И надежнѣй и прочнѣе!“

По вершинѣ кедра шумно
Ропотъ ужаса пронесся,
Стонъ и крикъ сопротивленья;
Но, склоняясь, прошепталъ онъ:
„На́, руби, о, Гайавата!“

И, срубивши сучья кедра,
Онъ связалъ изъ сучьевъ раму,
Какъ два лука, онъ согнулъ ихъ,
Какъ два лука, онъ связалъ ихъ.

„Дай корней своихъ, о, Тэмракъ,
Дай корней мнѣ волокнистыхъ:
Я свяжу свою пиро́гу,
Такъ свяжу ее корнями,

Чтобъ вода не проникала,
Не сочилася въ пиро́гу!“

Въ свѣжемъ воздухѣ до корня
Задрожалъ, затрясся Тэмракъ,
Но, склоняясь къ Гайаватѣ,
Онъ однимъ печальнымъ вздохомъ,
Долгимъ вздохомъ отозвался:
„Все возьми, о, Гайавата!“

Изъ земли онъ вырвалъ корни,
Вырвалъ, вытянулъ волокна,
Плотно сшилъ кору березы,
Плотно къ ней приладилъ раму.

„Дай мнѣ, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы въ пиро́гѣ,
Чтобъ вода не проникала,
Не сочилася въ пиро́гу!“

Какъ шуршитъ песокъ прибрежный,
Зашуршали вѣтви ели,
И, въ своемъ уборѣ черномъ,
Отвѣчала ель со стономъ,
Отвѣчала со слезами:
„Собери, о, Гайавата!“

И собралъ онъ слезы ели,
Взялъ смолы ея тягучей,
Засмолилъ всѣ швы въ пиро́гѣ,
Защитилъ отъ волнъ пиро́гу.

„Дай мнѣ, Ежъ, колючихъ иголъ,
Всѣ, о, Ежъ, отдай мнѣ иглы:

Я украшу ожерельемъ,
Уберу двумя звѣздами
Грудь красавицы-пиро́ги!“

Сонно глянулъ Ежъ угрюмый
Изъ дупла на Гайавату,
Словно блещущія стрѣлы,
Изъ дупла метнулъ онъ иглы,
Бормоча въ усы лѣниво:
„Подбери ихъ, Гайавата!“

По землѣ собралъ онъ иглы,
Что́ блестѣли, точно стрѣлы;
Сокомъ ягодъ ихъ окрасилъ,
Сокомъ желтымъ, краснымъ, синимъ,
И пиро́гу въ нихъ оправилъ,
Сдѣлалъ ей блестящій поясъ,
Ожерелье дорогое,
Грудь убралъ двумя звѣздами.

Такъ построилъ онъ пиро́гу
Надъ рѣкою, средь долины,
Въ глубинѣ лѣсовъ дремучихъ,
И вся жизнь лѣсовъ была въ ней,
Всѣ ихъ тайны, всѣ ихъ чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крѣпость мощныхъ сучьевъ кедра
И березы стройной легкость;
На водѣ она качалась,
Словно желтый листъ осенній,
Словно желтая кувшинка.

Веселъ не было на лодкѣ,
Въ веслахъ онъ и не нуждался:

Мысль ему весломъ служила,
А рулемъ служила воля;
Обогнать онъ могъ хоть вѣтеръ,
Путь держать — куда хотѣлось.

Кончивъ трудъ, онъ кликнулъ друга,
Кликнулъ Квазинда на помощь,
Говоря: „Очистимъ рѣку
Отъ корягъ и желтыхъ мелей!"

Быстро прыгнулъ въ рѣку Квазиндъ,
Словно выдра, прыгнулъ въ рѣку,
Какъ боберъ, нырять въ ней началъ,
Погружаясь то по поясъ,
То до самыхъ мышекъ въ воду.
Съ крикомъ сталъ нырять онъ въ воду,
Поднимать со дна коряги,
Вверхъ кидать песокъ руками,
А ногами -- илъ и травы.

И поплылъ мой Гайавата
Внизъ по быстрой Таквамино,
По ея водоворотамъ,
Черезъ омуты и мели,
Вслѣдъ за Квазиндомъ могучимъ.

Вверхъ и внизъ они проплыли,
Всюду были, гдѣ лежали
Корни, мертвыя деревья
И пески широкихъ мелей,
И расчистили дорогу,
Путь прямой и безопасный
Отъ истоковъ межъ горами
И до самыхъ водъ Повэтинъ,
До залива Таквамино.

8. ГАЙАВАТА И МИШЕ-НАМА.

По заливу Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Съ длинной удочкой изъ кедра,
Изъ коры крученой кедра,
На березовой пиро́гѣ
Плылъ отважный Гайавата.

Сквозь слюду прозрачной влаги
Видѣлъ онъ, какъ ходятъ рыбы
Глубоко подъ дномъ пиро́ги:
Какъ рѣзвится окунь, Сава,
Словно солнца лучъ сіяя;
Какъ лежитъ на днѣ песчаномъ
Шогаши, омаръ лѣнивый,
Словно дремлющій тарантулъ.

На кормѣ сѣлъ Гайавата
Съ длинной удочкой изъ кедра;
Точно вѣточки цикуты,
Колебалъ прохладный вѣтеръ
Перья въ косахъ Гайаваты.
На носу его пиро́ги
Сѣла бѣлка, Аджидомо;
Точно травку луговую,

Раздувалъ прохладный вѣтеръ
Мѣхъ на шубкѣ Аджидомо.

На песчаномъ днѣ на бѣломъ
Дремлетъ мощный Мише-Нама,
Царь всѣхъ рыбъ, осетръ тяжелый,
Раскрываетъ жабры тихо,
Тихо водитъ плавниками
И хвостомъ песокъ взметаетъ.
Въ боевомъ вооруженьи,—
Подъ щитами костяными
На плечахъ, на лбу широкомъ,
Въ боевыхъ нарядныхъ краскахъ—
Голубыхъ, пурпурныхъ, желтыхъ—
Онъ лежитъ на днѣ песчаномъ;
И надъ нимъ-то Гайавата
Сталъ въ березовой пирóгѣ
Съ длинной удочкой изъ кедра.

„Встань, возьми мою приманку!—
Крикнулъ въ воду Гайавата,—
Встань со дна, о, Мише-Нама,
Подымись къ моей пирóгѣ,
Выходи на состязанье!“
Въ глубину прозрачной влаги
Онъ лесу свою забросилъ,
Долго ждалъ отвѣта Намы,
Тщетно ждалъ отвѣта Намы
И кричалъ ему все громче:
„Встань, царь рыбъ, возьми приманку!“

Не отвѣтилъ Мише-Нама.
Важно, медленно махая
Плавниками, онъ спокойно

Вверхъ смотрѣлъ на Гайавату,
Долго слушалъ безъ вниманья
Крикъ его нетерпѣливый,
Наконецъ сказалъ Кенозѣ,
Жадной щукѣ, Маскенозѣ:
„Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!"

Въ сильныхъ пальцахъ Гайаваты
Сразу удочка согнулась;
Онъ рванулъ ее такъ сильно,
Что пиро́га дыбомъ встала,
Поднялася надъ водою,
Словно бѣлый стволъ березы
Съ рѣзвой бѣлкой на вершинѣ.

Но когда предъ Гайаватой
На волнахъ затрепетала,
Приближаясь, Маскеноза,—
Гнѣвомъ вспыхнулъ Гайавата
И воскликнулъ: „Иза, иза!—
Стыдъ тебѣ, о, Маскеноза!
Ты лишь щука, ты не Нама,
Не тебѣ я кинулъ вызовъ!"

Со стыдомъ на дно вернулась,
Опустилась Маскеноза;
А могучій Мише-Нама
Обратился къ Угудвошу,
Неуклюжему Самглаву:
„Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!"

Словно бѣлый, полный мѣсяцъ,
Всталъ, качаясь и сверкая,

Угудвошъ, Самглавъ тяжелый,
И, схвативъ лесу, такъ сильно
Закружился вмѣстѣ съ нею,
Что вверху, въ водоворотѣ
Завертѣлася пиро́га,
Волны, съ плескомъ разбѣгаясь,
По всему пошли заливу,
А съ песчаныхъ бѣлыхъ мелей,
Съ отдаленнаго прибрежья,
Закивали, зашумѣли
Тростники и длинный шпажникъ.

Но когда предъ Гайаватой
Изъ воды поднялся бѣлый
И тяжелый кругъ Самглава,
Громко крикнулъ Гайавата:
„Иза, иза!—стыдъ Самглаву!
Угудвошъ ты, а не Нама,
Не тебѣ я кинулъ вызовъ!"

Тихо внизъ пошелъ, качаясь
И блестя, какъ полный мѣсяцъ,
Угудвошъ прозрачно-бѣлый,
И опять могучій Нама
Услыхалъ нетерпѣливый,
Дерзкій вызовъ, прозвучавшій
По всему Большому Морю.

Самъ тогда онъ съ дна поднялся,
Весь дрожа отъ дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспѣхами бряцая,
Быстро прыгнулъ онъ къ пиро́гѣ,
Быстро выскочилъ всѣмъ тѣломъ
На сверкающую воду

И своей гигантской пастью
Поглотилъ въ одно мгновенье
Гайавату и пирóгу.

Какъ бревно по водопаду,
По широкимъ, чернымъ волнамъ,
Какъ въ глубокую пещеру,
Соскользнула въ пасть пирóга.
Но, очнувшись въ полномъ мракѣ,
Безнадежно оглянувшись,
Вдругъ наткнулся Гайавата
На большое сердце Намы:
Тяжело оно стучало
И дрожало въ этомъ мракѣ.

И во гнѣвѣ мощной дланью
Стиснулъ сердце Гайавата,
Стиснулъ такъ, что Мише-Нама
Всѣми фибрами затрясся,
Зашумѣлъ водой, забился,
Ослабѣлъ, ошеломленный
Нестерпимой болью въ сердцѣ.

Поперекъ тогда поставилъ
Легкій челнъ свой Гайавата,
Чтобъ изъ чрева Мише-Намы,
Въ суматохѣ и тревогѣ,
Не упасть и не погибнуть.
Рядомъ бѣлка, Аджидомо,
Рѣзво прыгала, болтала,
Помогала Гайаватѣ
И трудилась съ нимъ все время.

И сказалъ ей Гайавата:
„О, мой маленькій товарищъ!

Храбро ты со мной трудилась,
Такъ прими же, Аджидомо,
Благодарность Гайаваты
И то имя, что́ сказалъ я:
Этимъ именемъ всѣ дѣти
Будутъ звать тебя отнынѣ!"

И опять забился Нама,
Заметался, задыхаясь,
А потомъ затихъ — и волны
Понесли его́ къ прибрежью.
И когда подъ Гайаватой
Зашуршалъ прибрежный щебень,
Понялъ онъ, что Мише-Нама,
Бездыханный, неподвижный,
Принесенъ волной къ прибрежью.

Тутъ безсвязный крикъ и вопли
Услыхалъ онъ надъ собою,
Услыхалъ шумъ длинныхъ крыльевъ,
Переполнившій весь воздухъ,
Увидалъ полоску свѣта
Межъ широкихъ реберъ Намы
И Кайошкъ, крикливыхъ чаекъ,
Что́ блестящими глазами
На него смотрѣли зорко
И другъ другу говорили:
„Это братъ нашъ, Гайавата!"

И въ восторгѣ Гайавата
Крикнулъ имъ, какъ изъ пещеры:
„О, Кайошкъ, морскія чайки,
Братья, сестры Гайаваты!
Умертвилъ я Мише-Наму, —

Помогите же мнѣ выйти
Поскорѣе на свободу,
Рвите клювами, когтями
Бокъ широкій Мише-Намы,
И отнынѣ и вовѣки
Прославлять васъ будутъ люди,
Называть, какъ я васъ нáзвалъ!"

Дикой, шумной стаей чайки
Принялися за работу,
Быстро щели проклевали
Межъ широкихъ реберъ Намы,
И отъ смерти въ чревѣ Намы,
Отъ погибели, отъ плѣна,
Отъ могилы подъ водою
Былъ избавленъ Гайавата.

Возлѣ самаго вигвама
Сталъ на берегъ Гайавата;
Тотчасъ кликнулъ онъ Нокомисъ,
Вызвалъ старую Нокомисъ
Посмотрѣть на Мише-Наму:
Мертвый онъ лежалъ у моря,
И его клевали чайки.

„Умертвилъ я Мише-Наму,
Побѣдилъ его! — сказалъ онъ: —
Вонъ надъ нимъ ужъ вьются чайки.
То друзья мои, Нокомисъ!
Не гони ихъ прочь, не трогай:
Я отъ смерти въ чревѣ Намы
Былъ сейчасъ избавленъ ими.
Пусть онѣ свой пиръ окончатъ,
Пусть зобы наполнятъ пищей;
А когда, съ заходомъ солнца,

Улетятъ онѣ на гнѣзда,
Принеси котлы и чаши,
Заготовь къ зимѣ намъ жиру".

И Нокомисъ до заката
Просидѣла на прибрежьѣ.
Вотъ и мѣсяцъ, солнце ночи,
Всталъ надъ тихою водою,
Вотъ и чайки съ шумнымъ крикомъ,
Кончивъ пиръ свой, поднялися,
Полетѣли къ отдаленнымъ
Островамъ на Гитчи-Гюми,
И сквозь зарево заката
Долго ихъ мелькали крылья.

Мирнымъ сномъ спалъ Гайавата;
А Нокомисъ терпѣливо
Принялася за работу
И трудилась въ лунномъ свѣтѣ
До зари, пока не стало
Небо краснымъ на востокѣ.
А когда смѣнило солнце
Блѣдный мѣсяцъ, — съ отдаленныхъ
Острововъ на Гитчи-Гюми
Воротились стаи чаекъ,
Съ крикомъ кинулись на пищу.

Трое сутокъ, чередуясь
Съ престарѣлою Нокомисъ,
Чайки жиръ срывали съ Намы.
Наконецъ межъ голыхъ реберъ
Волны начали плескаться,
Чайки скрылись, улетѣли,
И остались на прибрежьѣ
Только кости Мише-Намы.

9. ГАЙАВАТА И ЖЕМЧУЖНОЕ ПЕРО.

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Вышла старая Нокомисъ,
Простирая въ гнѣвѣ руку
Надъ водой къ странѣ заката,
Къ тучамъ огненнымъ заката.

Въ гнѣвѣ солнце заходило,
Пролагая путь багряный,
Зажигая тучи въ небѣ,
Какъ вожди сжигаютъ степи,
Отступая предъ врагами;
А луна, ночное солнце,
Вдругъ возстала изъ засады
И направилась въ погоню
По слѣдамъ его кровавымъ,
Въ яркомъ заревѣ пожара.

И Нокомисъ, простирая
Руку слабую къ закату,
Говорила Гайаватѣ:
„Тамъ живетъ волшебникъ злобный
Меджисогвонъ, Духъ Богатства,
Тотъ, кого Перомъ Жемчужнымъ

Называютъ всѣ народы;
Тамъ озера смоляныя
Разливаются, чернѣя,
До багряныхъ тучъ заката;
Тамъ, среди трясины мрачной,
Вьются огненныя змѣи,
Змѣи страшныя, Кинэбикъ!
То хранители и слуги
Меджисогвона-убійцы.

„Это имъ убитъ коварно
Мой отецъ, когда на землю
Онъ съ луны за мной спустился
И меня искалъ повсюду.
Это злобный Меджисогвонъ
Посылаетъ къ намъ недуги,
Посылаетъ лихорадки,
Дышитъ бѣлой мглою съ тундры,
Дышитъ сыростью болотныхъ,
Смертоносныхъ испареній!

„Лукъ возьми свой, Гайавата,
Острыхъ стрѣлъ возьми съ собою,
Томагаукъ, Поггэвогонъ,
Рукавицы, Минджикэвонъ,
И березовую лодку.
Желтымъ жиромъ Мише-Намы
Смажь бока ея, чтобъ легче
Было плыть ей по болотамъ,
И убей ты чародѣя,
Отомсти врагу Нокомисъ,
Отомсти врагу народа!“

Быстро въ путь вооружился
Благородный Гайавата;

Легкій челнъ онъ сдвинулъ въ воду,
Потрепалъ его рукою,
Говоря: „Впередъ, пиро́га,
Другъ мой вѣрный и любимый,
Къ змѣямъ огненнымъ, Кинэбикъ,
Къ смолянымъ озерамъ чернымъ!“

Гордо въ даль неслась пиро́га,
Грозно пѣсню боевую
Пѣлъ отважный Гайавата;
А надъ нимъ Киню могучій,
Боевой орелъ могучій,
Вождь пернатыхъ, съ дикимъ крикомъ
Въ небесахъ кругами плавалъ.

Скоро онъ и змѣй увидѣлъ,
Исполинскихъ змѣй увидѣлъ,
Что́ лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь въ кольца,
Подымаясь, наполняя
Воздухъ огненнымъ дыханьемъ,
Чтобъ никто не могъ проникнуть
Къ Меджисогвону въ жилище.

Но безстрашный Гайавата,
Громко крикнувъ, такъ сказалъ имъ:
„Прочь съ дороги, о, Кинэбикъ!
Прочь съ дороги Гайаваты!“
А онѣ, свирѣпо ежась,
Отвѣчали Гайаватѣ
Свистомъ, огненнымъ дыханьемъ:
„Отступи, о, Шогодайя!
Воротись къ Нокомисъ старой!“

И тогда во гнѣвѣ поднялъ
Мощный лукъ свой Гайавата,
Сбросилъ съ плечъ колчанъ — и началъ
Поражать ихъ безпощадно:
Каждый звукъ тугой и крѣпкой
Тетивы былъ крикомъ смерти,
Каждый свистъ стрѣлы пѣвучей —
Пѣснью смерти и побѣды!

Тяжело въ водѣ кровавой
Змѣи мертвыя качались,
И побѣдно Гайавата
Плылъ межъ ними, восклицая:
„О, впередъ, моя пирóга,
Къ смолянымъ озерамъ чернымъ!“

Желтымъ жиромъ Мише-Намы
Онъ бока и носъ пирóги
Густо смазалъ, чтобы легче
Было плыть ей по болотамъ.
И до свѣта одиноко
Плылъ онъ въ этомъ сонномъ морѣ,
Плылъ въ водѣ, густой и черной,
Вѣковой корой покрытой
Отъ размытыхъ и гніющихъ
Камышей и листьевъ лилій;
И безжизненно и мрачно
Передъ нимъ вода блестѣла,
Озаренная луною,
Озаренная мерцаньемъ
Огоньковъ, чтó зажигаютъ
Души мертвыхъ на стоянкахъ
Въ часъ тоскливой, долгой ночи.

Бѣлымъ мѣсячнымъ сіяньемъ
Тихій воздухъ былъ наполненъ;
Тѣни ночи по болотамъ
Далеко кругомъ чернѣли;
А москиты Гайаватѣ
Пѣли пѣсню боевую;
Свѣтляки блестя кружились,
Чтобы сбить его съ дороги,
И въ густой водѣ Дагинда
Тяжело зашевелилась,
Тупо желтыми глазами
Поглядѣла на пирóгу,
Зарыдала — и исчезла;
И мгновенно огласилось
Все кругомъ стозвучнымъ свистомъ,
И Шухъ-шухъ-га издалека
Съ камышеваго прибрежья
Возвѣстила громкимъ крикомъ
О прибытіи героя!

Такъ держалъ путь Гайавата,
Такъ держалъ онъ путь на западъ,
Плылъ всю ночь, пока не скрылся
Съ неба блѣдный, полный мѣсяцъ.
А когда пригрѣло солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидалъ онъ предъ собою
На холмѣ Вигвамъ Жемчужный —
Меджисогвона жилище.

Вновь тогда своей пирóгѣ
Онъ сказалъ: „впередъ!“ — и быстро
Величаво и побѣдно
Пронеслась она средь лилій,

Чрезъ густой прибрежный шпажникъ.
И на берегъ Гайавата
Вышелъ, ногъ не замочивши.

Тотчасъ взялъ онъ лукъ свой вѣрный,
Утвердилъ въ пескѣ, колѣномъ
Надавилъ посерединѣ
И могучей тетивою
Запустилъ стрѣлу-пѣвунью,
Запустилъ въ Вигвамъ Жемчужный,
Какъ гонца съ своимъ посланьемъ,
Съ гордымъ вызовомъ на битву:
„Выходи, о, Меджисогвонъ:
Гайавата ожидаетъ“.

Быстро вышелъ Меджисогвонъ
Изъ Жемчужнаго Вигвама,
Быстро вышелъ онъ, могучій,
Рослый и широкоплечій,
Сумрачный и страшный видомъ,
Съ головы до ногъ покрытый
Украшеньями, оружьемъ,
Въ алыхъ, синихъ, желтыхъ краскахъ,
Словно небо на разсвѣтѣ,
Въ развѣвающихся перьяхъ
Изъ орлиныхъ длинныхъ крыльевъ.

„А, да это Гайавата!“—
Громко крикнулъ онъ съ насмѣшкой,
И, какъ громъ, тотъ крикъ раздался.—
„Отступи, о, Шогодайя!
Уходи скорѣе къ бабамъ,
Уходи къ Нокомисъ старой!
Я убью тебя на мѣстѣ,
Какъ ея отца убилъ я!“

Но безъ страха, безъ смущенья
Отвѣчалъ мой Гайавата:
„Хвастовствомъ и грубымъ словомъ
Не сразишь, какъ томагавкомъ;
Дѣло лучше словъ безплодныхъ
И острѣй насмѣшекъ стрѣлы.
Лучше дѣйствовать, чѣмъ хвастать!“

И начался бой великій,
Бой, невиданный подъ солнцемъ!
Отъ восхода до заката —
Цѣлый лѣтній день онъ длился,
Ибо стрѣлы Гайаваты
Безполезно ударялись
О жемчужную кольчугу.
Безполезны были даже
Рукавицы, Минджикэвонъ,
И тяжелый томагаукъ:
Раздроблять онъ могъ утесы,
Но колецъ не могъ разбить онъ
Въ заколдованной кольчугѣ.

Наконецъ, передъ закатомъ,
Весь израненный, усталый,
Съ расщепленнымъ томагавкомъ,
Съ рукавицами въ лохмотьяхъ
И съ тремя стрѣлами только,
Гайавата безнадежно
На упругій лукъ склонился
Подъ старинною сосною;
Мохъ съ вѣтвей ея тянулся,
А на пнѣ грибы желтѣли,—
Мертвецовъ печальныхъ обувь.

Вдругъ зеленый дятелъ, Мэма,
Закричалъ надъ Гайаватой:
„Цѣлься въ темя, Гайавата,
Прямо въ темя чародѣя,
Въ корни косъ ударь стрѣлою:
Только тамъ и уязвимъ онъ!“

Въ легкихъ перьяхъ, въ халцедонѣ,
Понеслась стрѣла-пѣвунья
Въ тотъ моментъ, какъ Меджисогвонъ
Поднималъ тяжелый камень,
И вонзилась прямо въ темя,
Въ корни длинныхъ косъ вонзилась.
И споткнулся, зашатался
Меджисогвонъ, словно буйволъ,
Да, какъ буйволъ, пораженный
На лугу, покрытомъ снѣгомъ.

Вслѣдъ за первою стрѣлою
Полетѣла и вторая,
Понеслась быстрѣе первой,
Поразила глубже первой;
И колѣни чародѣя,
Какъ тростникъ, затрепетали,
Какъ тростникъ, подъ нимъ согнулись.

А послѣдняя взвилася
Легче всѣхъ—и Мэджисогвонъ
Увидалъ передъ собою
Очи огненныя смерти,
Услыхалъ изъ мрака голосъ,
Голосъ Погока призывный.
Безъ дыханія, безъ жизни
Палъ могучій Мэджисогвонъ
На песокъ предъ Гайаватой.

Благодарный Гайавата
Взялъ тогда немного крови
И, позвавъ съ сосны печальной
Дятла, выкрасилъ той кровью
На головкѣ дятла гребень
За его услугу въ битвѣ;
И донынѣ Мэма носитъ
Хохолокъ изъ красныхъ перьевъ.

Послѣ, въ знакъ своей побѣды,
Въ память битвы съ чародѣемъ,
Онъ сорвалъ съ него кольчугу
И оставилъ безъ призора
На пескѣ прибрежномъ тѣло.
На пескѣ оно лежало,
Погребенное по поясъ,
Головой поникнувъ въ воду,
А надъ нимъ кружился съ крикомъ
Боевой орелъ могучій,
Плавалъ медленно кругами,
Тихо, тихо внизъ спускаясь.

Изъ вигвама чародѣя
Гайавата снесъ въ пиро́гу
Всѣ сокровища, весь вампумъ;
Снесъ мѣха бобровъ, бизоновъ,
Соболей и горностаевъ,
Нитки жемчуга, колчаны
И серебряныя стрѣлы—
И поплылъ домой, ликуя,
Съ громкой пѣснею побѣды.

Тамъ къ нему на берегъ вышли
Престарѣлая Нокомисъ,

Чайбайабосъ, мощный Квазиндъ;
А народъ героя встрѣтилъ
Пляской, пѣньемъ, восклицая:
„Слава, слава Гайаватѣ!
Побѣжденъ имъ Мэджисогвонъ,
Побѣжденъ волшебникъ злобный!"

Навсегда остался дорогъ
Гайаватѣ дятелъ, Мэма.
Въ честь его и въ память битвы
Онъ свою украсилъ трубку
Хохолкомъ изъ красныхъ перьевъ,
Гребешкомъ багровымъ Мэмы,
А богатство чародѣя
Раздѣлилъ съ своимъ народомъ,
Раздѣлилъ по равной части.

10. СВАТОВСТВО ГАЙАВАТЫ.

„Мужъ съ женой подобенъ луку,
Луку съ крѣпкой тетивою;
Хоть она его сгибаетъ,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянетъ,
Но сама съ нимъ неразлучна;
Порознь оба безполезны!"

Такъ раздумывалъ нерѣдко
Гайавата и томился
То отчаяньемъ, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылкимъ грезамъ
О прекрасной Миннегагѣ
Изъ страны Дакотовъ дикихъ.

Осторожная Нокомисъ
Говорила Гайаватѣ:
„Не женись на чужеземкѣ,
Не ищи жены по свѣту!
Дочь сосѣда, хоть простая,—
Чтó очагъ въ родномъ вигвамѣ,
Красота же чужеземки—
Это лунный свѣтъ холодный,
Это звѣздный блескъ далекій!"

Такъ Нокомисъ говорила.
Но разумно Гайавата
Отвѣчалъ ей: „О, Нокомисъ!
Милъ очагъ въ родномъ вигвамѣ,
Но милѣй мнѣ звѣзды въ небѣ,
Ясный мѣсяцъ мнѣ милѣе!“

Строго старая Нокомисъ
Говорила: „Намъ не нужно
Праздныхъ рукъ и ногъ лѣнивыхъ;
Приведи жену такую,
Чтобъ работала съ любовью,
Чтобъ проворны были руки,
Ноги двигались охотно!“

Улыбаясь, Гайавата
Молвилъ: „Я въ землѣ Дакотовъ
Стрѣлодѣлателя знаю;
У него есть дочь невѣста,
Чтó прекраснѣй всѣхъ прекрасныхъ;
Я введу ее въ вигвамъ твой,
И она тебѣ въ работѣ
Будетъ дочерью покорной,
Будетъ луннымъ, звѣзднымъ свѣтомъ,
Огонькомъ въ твоемъ вигвамѣ,
Солнцемъ нашего народа!“

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомисъ:
„Не вводи въ мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикіе Дакоты,
Часто мы воюемъ съ ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!“

Усмѣхаясь, Гайавата
И на это ей отвѣтилъ:
„Потому-то и пойду я
За невѣстой въ край Дакотовъ,
Для того пойду, Нокомисъ,
Чтобъ окончить наши распри,
Залѣчить навѣки раны!“

И пошелъ въ страну красавицъ,
Въ край Дакотовъ, Гайавата,
Въ путь далекій по долинамъ,
Въ тишинѣ равнинъ пустынныхъ,
Въ тишинѣ лѣсовъ дремучихъ.

Съ каждымъ шагомъ дѣлалъ милю
Онъ въ волшебныхъ мокассинахъ;
Но быстрѣй бѣжали мысли,
И дорога безконечной
Показалась Гайаватѣ!
Наконецъ въ безмолвьи лѣса,
Услыхалъ онъ гулъ потоковъ,
Услыхалъ призывный грохотъ
Водопадовъ Миннегаги.
„О, какъ веселъ,—прошепталъ онъ,—
Какъ отраденъ этотъ голосъ,
Призывающій въ молчаньи!“

Межъ деревьевъ, гдѣ играли
Свѣтъ и тѣни, онъ увидѣлъ
Стадо чуткое оленей.
„Не сплошай!“—сказалъ онъ луку,
„Будь вѣрнѣй!“—стрѣлѣ промолвилъ,
И когда стрѣла-пѣвунья,
Какъ оса, впилась въ оленя,

Онъ взвалилъ его на плечи
И пошелъ еще быстрѣе.

У дверей въ своемъ вигвамѣ,
Вмѣстѣ съ милой Миннегагой,
Стрѣлодѣлатель работалъ.
Онъ точилъ на стрѣлы яшму,
Халцедонъ точилъ блестящій,
А она плела въ раздумьи
Тростниковыя цыновки;
Все о томъ, что́ будетъ съ нею,
Тихо дѣвушка мечтала,
А старикъ о прошломъ думалъ.

Вспоминалъ онъ, какъ, бывало,
Вотъ такими же стрѣлами
Поражалъ онъ на долинахъ
Робкихъ ланей и бизоновъ,
Поражалъ въ лугахъ зеленыхъ
Налету гусей крикливыхъ;
Вспоминалъ и о великихъ
Боевыхъ отрядахъ прежнихъ,
Покупавшихъ эти стрѣлы.
Ахъ, ужъ нѣтъ теперь подобныхъ
Славныхъ воиновъ на свѣтѣ!
Нынѣ воины, что́ бабы:
Языкомъ болтаютъ только!

Миннегага же въ раздумьѣ
Вспоминала, какъ весною
Приходилъ къ отцу охотникъ,
Стройный юноша-красавецъ
Изъ земли Оджибуэевъ,
Какъ сидѣлъ онъ въ ихъ вигвамѣ,

А простившись, обернулся,
На нее взглянулъ украдкой.
Самъ отецъ потомъ нерѣдко
Въ немъ хвалилъ и умъ и храбрость.
Только будетъ ли онъ снова
Къ водопадамъ Миннегаги?
И въ раздумьѣ Миннегага
Въ даль разсѣянно глядѣла,
Опускала праздно руки.

Вдругъ почудился ей шорохъ,
Чья-то поступь въ чащѣ лѣса,
Шумъ вѣтвей, — и чрезъ мгновенье,
Разрумяненный ходьбою,
Съ мертвой ланью за плечами,
Сталъ предъ нею Гайавата.

Строгій взоръ старикъ на гостя
Быстро вскинулъ отъ работы,
Но, узнавши Гайавату,
Отложилъ стрѣлу, поднялся
И просилъ войти въ жилище.
„Будь здоровъ, о, Гайавата!“ —
Гайаватѣ онъ промолвилъ.

Предъ невѣстой Гайавата
Сбросилъ съ плечъ свою добычу,
Положилъ предъ ней оленя;
А она, поднявъ рѣсницы,
Отвѣчала Гайаватѣ
Кроткой лаской и привѣтомъ:
„Будь здоровъ, о, Гайавата!“

Изъ оленьей крѣпкой кожи
Сдѣланъ былъ вигвамъ просторный,

Побѣленъ, богато убранъ
И дакотскими богами
Разрисованъ и расписанъ.
Двери были такъ высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на порогѣ,
Чуть коснулся занавѣсокъ
Головой въ орлиныхъ перьяхъ.

Встала съ мѣста Миннегага,
Отложивъ свою работу,
Принесла къ обѣду пищи,
За водой къ ручью сходила
И стыдливо подавала
Съ пищей глиняныя миски,
А съ водой — ковши изъ липы.
Послѣ сѣла, стала слушать
Разговоръ отца и гостя,
Но сама во всей бесѣдѣ
Ни словечка не сказала!

Да, какъ будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Нокомисъ престарѣлой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьяхъ его любимыхъ
И о счастьѣ, о довольствѣ
На землѣ Оджибуэевъ,
Въ тишинѣ долинъ веселыхъ.

„Послѣ многихъ лѣтъ раздора,
Многихъ лѣтъ борьбы кровавой
Миръ насталъ теперь въ селеньяхъ
Оджибвэевъ и Дакотовъ!“—

Такъ закончилъ Гайавата,
А потомъ прибавилъ тихо:
„Чтобы этотъ миръ упрочить,
Закрѣпить союзъ сердечный,
Закрѣпить навѣки дружбу,
Дочь свою отдай мнѣ въ жены,
Отпусти въ мой край родимый,
Отпусти къ намъ Миннегагу!"

Призадумался немного
Старецъ, прежде чѣмъ отвѣтить,
Покурилъ въ молчаньи трубку,
Посмотрѣлъ на гостя гордо,
Посмотрѣлъ на дочь съ любовью
И отвѣтилъ очень важно:
„Это воля Миннегаги.
Какъ рѣшишь ты, Миннегага?"

И смутилась Миннегага
И еще милѣй и краше
Стала въ дѣвичьемъ смущеньи.
Робко рядомъ съ Гайаватой
Опустилась Миннегага
И, краснѣя, отвѣчала:
„Я пойду съ тобою, мужъ мой!"

Такъ рѣшила Миннегага!
Такъ сосваталъ Гайавата,
Взялъ красавицу-невѣсту
Изъ страны Дакотовъ дикихъ!

Изъ вигвама рядомъ съ нею
Онъ пошелъ въ родную землю.
По лѣсамъ и по долинамъ

Шли они рука съ рукою,
Оставляя одинокимъ
Старика-отца въ вигвамѣ,
Покидая водопады,
Водопады Миннегаги,
Чтó взывали издалека:
„Добрый путь, о, Миннегага!“

А старикъ, простившись съ ними,
Сѣлъ на солнышко къ порогу
И, копаясь за работой,
Бормоталъ: „Вотъ такъ-то дочки!
Любишь ихъ, лелѣешь, холишь,
А дождешься ихъ опоры,
Глядь — ужъ юноша приходитъ,
Чужеземецъ, чтó на флейтѣ
Поиграетъ да побродитъ
По деревнѣ, выбирая
Покрасивѣе невѣсту,—
И простись навѣки съ дочкой!“

Веселъ былъ ихъ путь далекій
По холмамъ и по долинамъ,
По горамъ и по ущельямъ,
Въ тишинѣ лѣсовъ дремучихъ!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шелъ теперь—для Миннегаги,
Чтобъ она не утомилась.

На рукахъ черезъ стремнины
Несъ онъ дѣвушку съ любовью,—
Легкимъ перышкомъ казалась
Эта ноша Гайаватѣ.

Въ дебряхъ лѣса, подъ вѣтвями,
Онъ прокладывалъ тропинки,
На ночь ей шалашъ построилъ,
Постелилъ постель изъ листьевъ
И развелъ костеръ у входа
Изъ сухихъ сосновыхъ шишекъ.

Вѣтерки, что́ вѣчно бродятъ
По лѣсамъ и по долинамъ,
Путь держали вмѣстѣ съ ними;
Звѣзды чутко охраняли
Мирный сонъ ихъ темной ночью;
Бѣлка съ дуба зоркимъ взглядомъ
За влюбленными слѣдила,
А Вабассо, бѣлый кроликъ,
Убѣгалъ отъ нихъ съ тропинки
И, привставъ на заднихъ лапкахъ,
Изъ норы глядѣлъ украдкой
Съ любопытствомъ и со страхомъ.

Веселъ былъ ихъ путь далекій!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пѣли пѣсни
Мирной радости и счастья.
„Ты счастливъ, о, Гайавата,
Съ кроткой, любящей женою!“ —
Пѣлъ Овейса синеперый.
„Ты счастлива, Миннегага,
Съ благороднымъ, мудрымъ мужемъ!“ —
Опечи пѣлъ красногрудый.

Солнце ласково глядѣло
Сквозь тѣнистыя деревья,
Говорило имъ: „О, дѣти!

Злоба — тьма, любовь — свѣтъ солнца,
Жизнь играетъ тьмой и свѣтомъ, —
Правь любовью, Гайавата!"

Мѣсяцъ съ неба въ часъ полночный
Заглянулъ въ шалашъ, наполнилъ
Мракъ таинственнымъ сіяньемъ
И шепнулъ имъ: „Дѣти, дѣти!
Ночь тиха, а день тревоженъ;
Жены слабы и покорны,
А мужья властолюбивы, —
Правь терпѣньемъ, Миннегага!"

Такъ они достигли дома,
Такъ въ вигвамъ Нокомисъ старой
Возвратился Гайавата
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Изъ страны красивыхъ женщинъ,
Съ Миннегагою прекрасной.
И была она въ вигвамѣ
Огонькомъ его вечернимъ,
Свѣтомъ луннымъ, свѣтомъ звѣзднымъ,
Свѣтлымъ солнцемъ для народа.

11. СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ ГАЙАВАТЫ.

Стану пѣть, какъ По-Покъ-Кивисъ,
Какъ красавецъ Йенадиззи
Танцовалъ подъ звуки флейты,
Какъ учтивый Чайбайабосъ,
Сладкогласный Чайбайабосъ
Пѣсни пѣлъ любви-томленья,
И какъ Ягу, дивный мастеръ
И разсказывать и хвастать,
Сказки сказывалъ на свадьбѣ,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!

Пышный пиръ дала Нокомисъ,
Пышно праздно̀вала свадьбу!
Чаши были всѣ изъ липы,
Ярко-бѣлыя и съ глянцемъ,
Ложки были всѣ изъ рога,
Ярко-черныя и съ глянцемъ.

Въ знакъ торжественнаго пира,
Приглашенія на свадьбу,
Всѣмъ сосѣдямъ вѣтви ивы
Въ этотъ день она посла́ла;

И сосѣди собралися
Къ пиру въ праздничныхъ нарядахъ,
Въ дорогихъ мѣхахъ и перьяхъ,
Въ разноцвѣтныхъ яркихъ краскахъ,
Въ пестромъ вампумѣ и бусахъ.

На пиру они сначала
Осетра и щуку ѣли,
Приготовленныхъ Нокомисъ;
Послѣ — пимиканъ оленій,
Пимиканъ и мозгъ бизона,
Горбъ быка и ляжку лани,
Рисъ и желтыя лепешки
Изъ толченой кукурузы.

Но радушный Гайавата,
Миннегага и Нокомисъ
При гостяхъ не сѣли къ пищѣ:
Только потчевали молча,
Только молча имъ служили.
А когда обѣдъ былъ конченъ,
Хлопотливая Нокомисъ
Изъ большого мѣха выдры
Тотчасъ каменныя трубки
Табакомъ набила южнымъ,
Табакомъ съ травой пахучей
И съ корою красной ивы.

Послѣ ласково сказала:
„Протанцуй намъ, По-Покъ-Кивисъ,
Танецъ Нищаго веселый,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И красавецъ По-Покъ-Кивисъ,
Беззаботный Йенадиззи,
Озорникъ, всегда готовый
Веселиться и буянить,
Тотчасъ всталъ среди собранья.
Ловокъ былъ онъ въ пляскахъ, въ танцахъ,
Въ состязаньяхъ и забавахъ,
Смѣлъ и ловокъ въ разныхъ играхъ,
Даже въ самыхъ трудныхъ играхъ!
На деревнѣ По-Покъ-Кивисъ
Слылъ пропащимъ человѣкомъ,
Игрокомъ, лѣнтяемъ, трусомъ;
Но насмѣшки и прозванья
Не смущали Йенадиззи:
Вѣдь зато онъ былъ красавецъ
И большой любимецъ женщинъ!

Онъ стоялъ въ одеждѣ бѣлой
Изъ пушистой ланьей шкуры,
Окаймленной горностаемъ,
Густо вампумомъ расшитой
И ежовою щетиной;
Въ головномъ его уборѣ
Колыхался пухъ лебяжій;
На козловыхъ мокассинахъ
Красовались иглы, бисеръ
И хвосты лисицъ — на пяткахъ,
А въ рукахъ держалъ онъ трубку
И большое опахало.

Краской желтою и красной,
Краской алою и синей
Все лицо его сіяло;
Въ косы, смазанныя масломъ

И съ проборомъ, какъ у женщинъ,
Вплетены гирлянды были
Изъ пахучихъ травъ и листьевъ.
Вотъ какъ убранъ и наряженъ
Всталъ красавецъ По-Покъ-Кивисъ,
Всталъ при звукахъ флейтѣ и пѣсенъ,
Голосовъ и барабановъ
И свой дивный танецъ началъ.

Танцовалъ онъ прежде важно,
Выступая межъ деревьевъ —
То подъ тѣнью, то на солнцѣ —
Мягкимъ шагомъ, какъ пантера;
Послѣ — все быстрѣй, быстрѣе,
Закружился, завертѣлся,
Вкругъ вигвама началъ прыгать
Черезъ головы сидящихъ,
Такъ, что вѣтеръ, пыль и листья
Понеслись за нимъ кругами!

А потомъ вдоль Гитчи-Гюми,
По песчаному прибрежью,
Какъ безумный, онъ помчался,
Ударяя съ дикой силой
Мокассинами о землю,
Такъ, что вѣтеръ сталъ ужъ бурей,
Засвисталъ песокъ, вздымаясь,
Словно вьюга по пустынѣ,
И покрылося прибрежье
Все холмами Нэго-Воджу!
Такъ веселый По-Покъ-Кивисъ
Танецъ Нищаго окончилъ,
И, окончивъ, возвратился
Къ мѣсту пира, сѣлъ съ гостями,

Сѣлъ, спокойно улыбаясь
И махая опахаломъ.

После друга Гайаваты,
Чайбайабоса, просили:
„Спой намъ пѣсню, Чайбайабосъ,
Пѣсню страсти, пѣсню нѣги,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И прекрасный Чайбайабосъ
Спѣлъ имъ нѣжно, сладкозвучно,
Спѣлъ въ волненіи глубокомъ
Пѣсню страсти, пѣсню нѣги;
Все смотря на Гайавату,
Все смотря на Миннегагу,
Тихо пѣлъ онъ эту пѣсню:

„Онэвэ! Проснись, родная!
Ты, лѣсной цвѣточекъ дикій,
Ты, луговъ зеленыхъ птичка,
Птичка дикая, пѣвунья!

„Взоръ твой кроткій, взоръ косули,
Такъ отраденъ, такъ отраденъ,
Какъ роса для нѣжныхъ лилій
Въ часъ вечерній на долинѣ!

„А твое дыханье сладко,
Какъ цвѣтовъ благоуханье,
Какъ дыханье ихъ зарею
Въ Мѣсяцъ Падающихъ Листьевъ!

„Не стремлюсь ли я всѣмъ сердцемъ
Къ сердцу милой, къ сердцу милой,

Какъ ростки стремятся къ солнцу
Въ тихій Мѣсяцъ Свѣтлой Ночи?

„Онэвэ! Трепещетъ сердце
И поетъ тебѣ въ восторгѣ,
Какъ поютъ, вздыхаютъ вѣтви
Въ ясный Мѣсяцъ Земляники!

„Загрустишь ли ты, родная,—
И мое темнѣетъ сердце,
Какъ рѣка, когда надъ нею
Облака бросаютъ тѣни!

„Улыбнешься ли, родная,—
Сердце вновь дрожитъ и блещетъ,
Какъ подъ солнцемъ блещутъ волны,
Что́ рябитъ холодный вѣтеръ!

„Пусть улыбкою сіяютъ
Небеса, земля и воды,—
Не могу я улыбаться,
Если милой я не вижу!

„Я съ тобой, съ тобой! Взгляни же,
Кровь трепещущаго сердца!
О, проснись! Проснись, родная!
Онэвэ! Проснись, родная!“

Такъ прекрасный Чайбайабосъ
Пѣсню пѣлъ любви-томленья;
И хвастливый, старый Ягу,
Удивительный разсказчикъ,
Слушалъ съ завистью, какъ гости
Восторгались сладкимъ пѣньемъ;

Но потомъ, по ихъ улыбкамъ,
По глазамъ и по движеньямъ,
Увидалъ, что все собранье
Съ нетерпѣньемъ ожидаетъ
И его веселыхъ басенъ,
Непомѣрно-лживыхъ сказокъ.

Очень былъ хвастливъ мой Ягу!
Въ самыхъ дивныхъ приключеньяхъ,
Въ самыхъ смѣлыхъ предпріятьяхъ—
Всюду былъ героемъ Ягу:
Онъ узналъ ихъ не по слухамъ,
Онъ воочію ихъ видѣлъ!

Если бъ только Ягу слушать,
Если бъ только Ягу вѣрить,
То нигдѣ никто изъ лука
Не стрѣляетъ лучше Ягу,
Не убилъ такъ много ланей,
Не поймалъ такъ много рыбы
Иль рѣчныхъ бобровъ въ капканы.

Кто рѣзвѣе всѣхъ въ деревнѣ?
Кто всѣхъ дальше можетъ плавать?
Кто ныряетъ всѣхъ смѣлѣе?
Кто постранствовалъ по свѣту
И диковинъ насмотрѣлся?
Ужъ, конечно, это Ягу,
Удивительный разсказчикъ.

Имя Ягу стало шуткой
И пословицей въ народѣ;
И когда хвастунъ-охотникъ
Черезчуръ охотой хвасталъ

Или воинъ завирался,
Возвратившись съ поля битвы,
Всѣ кричали: „Ягу, Ягу!
Новый Ягу появился!“

Это онъ связалъ когда-то
Изъ коры зеленой липы
Люльку жилами оленя
Для малютки Гайаваты.
Это онъ ему позднѣе
Показалъ, какъ надо дѣлать
Лукъ изъ ясеня упругій,
А изъ сучьевъ дуба—стрѣлы.
Вотъ каковъ былъ этотъ Ягу,
Безобразный, старый Ягу,
Удивительный разсказчикъ!

И промолвила Нокомисъ:
„Разскажи намъ, добрый Ягу,
Почудеснѣй сказку, басню,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобъ довольны были гости!“

И отвѣтилъ Ягу тотчасъ:
„Вы услышите сегодня
Повѣсть—дивное сказанье
О волшебникѣ Оссэо,
Что́ сошелъ съ звѣзды вечерней!“

12. СЫНЪ ВЕЧЕРНЕЙ ЗВѢЗДЫ.

То не солнце ли заходитъ
Надъ равниной водяною?
Иль то раненый фламинго
Тихо плаваетъ, летаетъ,
Обагряетъ волны кровью,
Кровью, падающей съ перьевъ,
Наполняетъ воздухъ блескомъ,
Блескомъ длинныхъ красныхъ перьевъ?

Да, то солнце утопаетъ,
Погружаясь въ Гитчи-Гюми;
Небеса горятъ багрянцемъ,
Воды блещутъ алой краской!
Нѣтъ, то плаваетъ фламинго,
Въ волны красныя ныряя;
Къ небесамъ простеръ онъ крылья
И окрасилъ волны кровью!

Огонекъ Звѣзды Вечерней
Таетъ, въ пурпурѣ трепещетъ,
Въ полумглѣ виситъ надъ моремъ.
Нѣтъ, то вампумъ серебрится
На груди Владыки Жизни,
То Великій Духъ проходитъ
Надъ темнѣющимъ закатомъ!

На закатъ смотрѣлъ съ восторгомъ
Долго, долго старый Ягу;
Вдругъ воскликнулъ: „Посмотрите!
Посмотрите на священный
Огонекъ Звѣзды Вечерней!
Вы услышите сказанье
О волшебникѣ Оссэо,
Чтó сошелъ съ Звѣзды Вечерней!

„Въ незапамятные годы,
Въ дни, когда еще для смертныхъ
Небеса и сами боги
Были ближе и доступнѣй,
Жилъ на сѣверѣ охотникъ
Съ молодыми дочерями;
Десять было ихъ, красавицъ,
Стройныхъ, гибкихъ, словно ива,
Но прекраснѣй всѣхъ межъ ними
Овини была, меньшая.

„Вышли дѣвушки всѣ замужъ,
Всѣ за воиновъ отважныхъ,
Овини одна не скоро
Жениха себѣ сыскала.
Своенравна и сурова,
Молчалива и печальна
Овини была—и долго
Жениховъ, красавцевъ юныхъ,
Прогоняла прочь съ насмѣшкой,
А потомъ взяла да вышла
За убогаго Оссэо!
Нищій, старый, безобразный,
Вѣчно кашлялъ онъ, какъ бѣлка.

„Ахъ, но сердце у Оссэо
Было юнымъ и прекраснымъ!
Онъ сошелъ съ Звѣзды Заката,
Онъ былъ сынъ Звѣзды Вечерней,
Сынъ Звѣзды любви и страсти!
И огонь ея, и чары,
И краса, и блескъ лучистый —
Все въ груди его таилось,
Все въ рѣчахъ его сверкало!

„Женихи, любовь которыхъ
Овини отвергла гордо,—
Йенадиззи въ ожерельяхъ,
Въ пышныхъ перьяхъ, яркихъ краскахъ
Насмѣхалися надъ нею;
Но она имъ такъ сказала:
„Что́ за дѣло мнѣ до вашихъ
Ожерелій, красокъ, перьевъ
И насмѣшекъ непристойныхъ!
Я счастлива за Оссэо!“

„Разъ въ ненастный, темный вечеръ
Шли веселою толпою
На веселый праздникъ сестры,—
Шли на званый пиръ съ мужьями;
Тихо слѣдовалъ за ними
Съ молодой женой Оссэо.
Всѣ шутили и смѣялись —
Эти двое шли въ молчаньи.

„На закатъ смотрѣлъ Оссэо,
Взоръ поднявъ, какъ бы съ мольбою;
Отставалъ, смотрѣлъ съ мольбою
На Звѣзду любви и страсти,

На трепещущій и нѣжный
Огонекъ Звѣзды Вечерней;
И разслышали всѣ сестры,
Какъ шепталъ Оссэо тихо:
„Ахъ, шовэнъ нэмэшинъ, Ноза!—
Сжалься, сжалься, о, отецъ мой!“

„Слышишь? — старшая сказала,—
Онъ отца о чемъ-то проситъ!
Право, жаль, что старикашка
Не споткнется на дорогѣ,
Головы себѣ не сломитъ!“
И смѣялись сестры злобно
Непристойнымъ, громкимъ смѣхомъ.

„На пути ихъ, въ дебряхъ лѣса,
Дубъ лежалъ, погибшій въ бурю,
Дубъ-гигантъ, покрытый мохомъ,
Полусгнившій подъ листвою,
Почернѣвшій и дуплистый.
Увидавъ его, Оссэо
Испустилъ вдругъ крикъ тоскливый
И въ дупло, какъ въ яму, прыгнулъ.
Старымъ, дряхлымъ, безобразнымъ
Онъ упалъ въ него, а вышелъ —
Сильнымъ, стройнымъ и высокимъ,
Статнымъ юношей, красавцемъ!

„Такъ вернулася къ Оссэо
Красота его и юность;
Но, — увы, — за нимъ мгновенно
Овини преобразилась!
Стала древнею старухой,
Дряхлой, жалкою старухой,

Поплелась съ клюкой, согнувшись,
И смѣялись всѣ надъ нею
Непристойнымъ, громкимъ смѣхомъ.

„Но Оссэо не смѣялся,
Овини онъ не покинулъ,
Нѣжно взялъ ея сухую
Руку — темную, въ морщинахъ,
Какъ дубовый листъ зимою,
Называлъ своею милой,
Милымъ другомъ, Нинимуша,
И пришелъ съ ней къ мѣсту пира,
Сѣлъ за трапезу въ вигвамѣ.
Тотъ вигвамъ въ лѣсу построенъ
Въ честь святой Звѣзды Заката.

„Очарованный мечтами,
На пиру сидѣлъ Оссэо.
Всѣ шутили, веселились,
Но печаленъ былъ Оссэо!
Не притронулся онъ къ пищѣ,
Не сказалъ ни съ кѣмъ ни слова,
Не слыхалъ рѣчей веселыхъ;
Лишь смотрѣлъ съ тоской во взорѣ
То на Овини, то кверху,
На сверкающія звѣзды.

„И пронесся тихій шопотъ,
Тихій голосъ, зазвучавшій
Изъ воздушнаго пространства,
Отъ далекихъ звѣздъ небесныхъ.
Мелодично, смутно, нѣжно
Говорилъ онъ: „О, Оссэо!
О, возлюбленный, о, сынъ мой!

Тяготѣли надъ тобою
Чары злобы, темной силы,
Но разрушены тѣ чары;
Встань, прійди ко мнѣ, Оссэо!

„Яствъ отвѣдай этихъ дивныхъ,
Яствъ вкуси благословенныхъ,
Что́ стоятъ передъ тобою;
Въ нихъ волшебная есть сила:
Ихъ вкусивъ, ты станешь духомъ;
Всѣ твои котлы и блюда
Не простой посудой будутъ:
Серебромъ котлы заблещутъ,
Блюда — въ вампумъ превратятся.
Будутъ всѣ огнемъ свѣтиться,
Блескомъ раковинъ пурпурныхъ.

„И спадетъ проклятье съ женщинъ,
Иго тягостной работы:
Въ птицъ онѣ всѣ превратятся,
Засіяютъ звѣзднымъ свѣтомъ,
Яркимъ отблескомъ заката
На вечернихъ нѣжныхъ тучкахъ“.

„Такъ сказалъ небесный голосъ;
Но слова его понятны
Были только для Оссэо,
Остальнымъ же онъ казался
Грустнымъ пѣньемъ Вавонэйсы,
Пѣньемъ птицъ во мракѣ лѣса,
Въ отдаленныхъ чащахъ лѣса.

„Вдругъ жилище задрожало,
Зашаталось, задрожало,

И почувствовали гости,
Что возносятся на воздухъ!
Въ небеса, къ далекимъ звѣздамъ,
Въ темнотѣ вѣтвистыхъ сосенъ,
Плылъ вигвамъ, минуя вѣтви,
Миновалъ — и вотъ всѣ блюда
Засіяли алой краской,
Всѣ котлы изъ сизой глины —
Въ мигъ серебряными стали,
Всѣ шесты вигвама ярко
Засверкали въ звѣздномъ свѣтѣ,
Какъ серебряные прутья,
А его простая кровля —
Какъ жуковъ блестящихъ крылья.

„Поглядѣлъ кругомъ Оссэо
И увидѣлъ, что и сестры,
И мужья сестеръ-красавицъ
Въ разныхъ птицъ всѣ превратились:
Были тутъ скворцы съ дроздами,
Были сойки и сороки,
И всѣ прыгали, порхали,
Охорашивались, пѣли,
Щеголяли блескомъ перьевъ,
Распускали хвостъ, какъ вѣеръ.

„Только Овини осталась
Дряхлой, жалкою старухой
И въ тоскѣ сидѣла молча.
Но, взглянувши вверхъ, Оссэо
Испустилъ вдругъ крикъ тоскливый,
Вопль отчаянья, какъ прежде,
Надъ дуплистымъ старымъ дубомъ,
И мгновенно къ ней вернулась

Красота ея и юность;
Всѣ ея лохмотья стали
Бѣлымъ мѣхомъ горностая,
А клюка — перомъ блестящимъ,
Да, серебрянымъ, блестящимъ!

„И опять вигвамъ поднялся,
Въ облакахъ поплылъ прозрачныхъ,
По воздушному теченью,
И присталъ къ Звѣздѣ Вечерней, —
На звѣзду спустился тихо,
Какъ снѣжинка на снѣжинку,
Какъ листокъ на волны рѣчки,
Какъ пушокъ репейный въ воду.

„Тамъ съ привѣтливой улыбкой
Вышелъ къ нимъ отецъ Оссэо,
Старецъ съ кроткимъ, яснымъ взоромъ,
Съ серебристыми кудрями,
И сказалъ: „Повѣсь, Оссэо,
Клѣтку съ птицами своими,
Клѣтку съ пестрой птичьей стаей,
У дверей въ моемъ вигвамѣ!“

„У дверей повѣсивъ клѣтку,
Онъ вошелъ въ вигвамъ съ женою,
И тогда отецъ Оссэо,
Властелинъ Звѣзды Вечерней,
Имъ сказалъ: „О, мой Оссэо!
Я мольбы твои услышалъ,
Возвратилъ тебѣ, Оссэо,
Красоту твою и юность,
Превратилъ сестеръ съ мужьями
Въ разноперыхъ птицъ за шутки,

За насмѣшки надъ тобою.
Не сумѣлъ никто межъ ними
Оцѣнить въ убогомъ старцѣ,
Въ жалкомъ образѣ калѣки
Сердца пылкаго Оссэо,
Сердца вѣчно-молодого.
Только Овини сумѣла
Оцѣнить тебя, Оссэо!

„Тамъ, на звѣздочкѣ, что́ свѣтитъ
Отъ Звѣзды Вечерней влѣво,
Чародѣй живетъ, Вэбино,
Духъ и зависти и злобы;
Превратилъ тебя онъ въ старца.
Берегись лучей Вэбино:
Въ нихъ волшебная есть сила, —
Это стрѣлы чародѣя!"

„Долго, въ мирѣ и согласьѣ,
На Звѣздѣ Вечерней мирной
Жилъ съ отцомъ своимъ Оссэо;
Долго въ клѣткѣ надъ вигвамомъ
Птицы пѣли и порхали
На серебряныхъ шесточкахъ,
И супруга молодая
Родила Оссэо сына:
Въ мать онъ вышелъ красотою,
А въ отца — дороднымъ видомъ.

„Мальчикъ росъ, мужалъ съ лѣтами,
И отецъ, ему въ утѣху,
Сдѣлалъ лукъ и стрѣлъ надѣлалъ,
Отворилъ большую клѣтку
И пустилъ всѣхъ птицъ на волю,

Чтобъ, стрѣляя въ тетокъ, въ дядей,
Позабавился малютка.

„Тамъ и сямъ онѣ кружились,
Наполняя воздухъ звонкимъ
Пѣньемъ счастья и свободы,
Блескомъ перьевъ разноцвѣтныхъ;
Но напрягъ свой лукъ упругій,
Запустилъ стрѣлу изъ лука
Мальчикъ, маленькій охотникъ—
И упала съ вѣтки птичка,
Въ яркихъ перышкахъ, на землю,
На смерть раненая въ сердце.

„Но — о, чудо! — ужъ не птицу
Видитъ онъ передъ собою,
А красавицу младую
Съ роковой стрѣлою въ сердцѣ!

„Кровь ея едва упал
На священную планету,
Какъ разрушилися чары,
И стрѣлокъ отважный, юный
Вдругъ почувствовалъ, что кто-то
По воздушному пространству,
Въ облакахъ его спускаетъ
На зеленый, злачный островъ
Посреди Большого Моря.

„Вслѣдъ за нимъ блестящей стаей
Птицы падали, летѣли,
Какъ осеннею порою
Листья падаютъ, пестрѣя;
А за птицами спустился
И вигвамъ съ блестящей кровлей,

На серебряныхъ стропилахъ,
И принесъ съ собой Оссэо,
Овини принесъ съ собою.

„Вновь тутъ птицы превратились,
Получили образъ смертныхъ,
Образъ смертныхъ, но не ростъ ихъ:
Всѣ Пигмеями остались,
Да, Пигмеями — Покъ-Вэджисъ,
И на островѣ скалистомъ,
На его прибрежныхъ меляхъ
И донынѣ хороводы
Водятъ лѣтними ночами,
Подъ Вечернею Звѣздою.

„Это ихъ чертогъ блестящій
Виденъ въ тихій лѣтній вечеръ;
Рыбаки съ прибрежья часто
Слышатъ ихъ веселый говоръ,
Видятъ танцы въ звѣздномъ свѣтѣ".

Кончивъ свой разсказъ чудесный,
Кончивъ сказку, старый Ягу
Всѣхъ гостей обвелъ глазами
И торжественно промолвилъ:
„Есть возвышенныя души,
Есть непонятые люди!
Я знавалъ такихъ не мало.
Зубоскалы ихъ нерѣдко
Даже на-смѣхъ подымаютъ,
Но насмѣшники должны бы
Чаще думать объ Оссэо!"

Очарованные гости
Повѣсть слушали съ восторгомъ

И разсказчика хвалили,
Но шепталися другъ съ другомъ:
„Неужель Оссэо — Ягу,
Мы же — тетушки и дяди?“

После снова Чайбайабосъ
Пѣлъ имъ пѣснь любви-томленья,
Пѣлъ имъ нѣжно, сладкозвучно
И съ задумчивой печалью
Пѣсню дѣвушки, скорбящей
Объ Алгонкинѣ, о миломъ.

„Горе мнѣ, когда о миломъ,
Ахъ, о миломъ я мечтаю,
Все о немъ томлюсь-тоскую,
Объ Алгонкинѣ, о миломъ!

„Ахъ, когда мы разставались,
Онъ на память далъ мнѣ вампумъ,
Бѣлоснѣжный далъ мнѣ вампумъ,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Я пойду съ тобой, — шепталъ онъ, —
Ахъ, въ твою страну родную;
О, позволь мнѣ, — прошепталъ онъ,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Далеко, — я отвѣчала,
Далеко, — я прошептала,
Ахъ, страна моя родная,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Обернувшись, я глядѣла,
На него съ тоской глядѣла,

И въ мои глядѣлъ онъ очи,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ.

„Онъ одинъ стоялъ подъ ивой
Подъ густой плакучей ивой,
Что̀ роняла слезы въ воду,
Мой возлюбленный, Алгонкинъ!

„Горе мнѣ, когда о миломъ,
Ахъ, о миломъ я мечтаю,
Все о немъ томлюсь-тоскую,
Объ Алгонкинѣ, о миломъ!“

Вотъ какъ праздновали свадьбу!
Вотъ какъ пиръ увеселяли
По-Покъ-Кивисъ — бурной пляской,
Ягу — сказкою волшебной,
Чайбайабосъ — нѣжной пѣсней.
Съ пѣсней кончился и праздникъ,
Разошлись со свадьбы гости
И оставили счастливыхъ
Гайавату съ Миннегагой
Подъ покровомъ темной ночи.

13. БЛАГОСЛОВЕНІЕ ПОЛЕЙ.

Пой, о, пѣснь о Гайаватѣ,
Пой дни радости и счастья,
Безмятежные дни мира
На землѣ Оджибуэевъ!
Пой таинственный Мондаминъ,
Пой полей благословенье!

Погребенъ топоръ кровавый,
Погребенъ навѣки въ землю
Тяжкій, грозный томагаукъ;
Позабыты клики битвы,—
Миръ насталъ среди народовъ.
Мирно могъ теперь охотникъ
Строить бѣлую пиро́гу,
На бобровъ капканы ставить
И ловить сѣтями рыбу;
Мирно женщины трудились:
Гнали сладкій сокъ изъ клена,
Дикій рисъ въ лугахъ сбирали
И выдѣлывали кожи.

Вкругъ счастливаго селенья
Зеленѣли пышно нивы,—
Выросталъ Мондаминъ стройный

Въ глянцевитыхъ длинныхъ перьяхъ,
Въ золотистыхъ мягкихъ косахъ.
Это женщины весною
Обрабатывали нивы,—
Хоронили въ землю маисъ
На равнинахъ плодородныхъ;
Это женщины подъ осень
Желтый плащъ съ него срывали,
Обрывали косы, перья,
Какъ училъ ихъ Гайавата.

Разъ, когда посѣвъ былъ конченъ,
Разсудительный и мудрый
Гайавата обратился
Къ Миннегагѣ и сказалъ ей:
„Ты должна сегодня ночью
Дать полямъ благословенье;
Ты должна волшебнымъ кругомъ
Обвести свои посѣвы,
Чтобъ ничто имъ не вредило,
Чтобъ никто ихъ не коснулся!

„Въ часъ ночной, когда все тихо,
Въ часъ, когда все тьмой покрыто,
Въ часъ, когда Духъ Сна, Нэпавинъ,
Затворяетъ всѣ вигвамы,
И ничье не слышитъ ухо,
И ничье не видитъ око,—
Съ ложа встань ты осторожно,
Всѣ сними съ себя одежды,
Обойди свои посѣвы,
Обойди кругомъ всѣ нивы,
Только косами прикрыта,
Только тьмой ночной одѣта.

„И обильнѣй будетъ жатва;
Отъ слѣдовъ твоихъ на нивѣ
Кругъ останется волшебный,
И тогда ни ржа, ни черви,
Ни стрекозы, Куо-ни-ши,
Ни тарантулъ, Соббикаши,
Ни кузнечикъ, Па-покъ-кина,
Ни могучій Вэ-мокъ-квана,
Царь всѣхъ гусеницъ мохнатыхъ,
Никогда не переступятъ
Кругъ священный и волшебный!“

Такъ промолвилъ Гайавата;
А воро́нъ голодныхъ стая,
Жадный Ка́гаги, Царь-Воронъ,
Съ шайкой черныхъ мародеровъ,
Отдыхали въ ближней рощѣ
И смѣялись такъ, что сосны
Содрогалися отъ смѣха,
Отъ зловѣщаго ихъ смѣха
Надъ словами Гайаваты.
„Ахъ, мудрецъ, ахъ, заговорщикъ!“—
Говорили птицы громко.

Вотъ простерлась ночь нѣмая
Надъ полями и лѣсами;
Вотъ и скорбный Вавонэйса
Въ темнотѣ запѣлъ тоскливо,
Притворилъ Духъ Сна, Нэпавинъ,
Двери каждаго вигвама,
И во мракѣ Миннегага
Поднялась безмолвно съ ложа;
Всѣ сняла она одежды
И, окутанная тьмою,

Безъ смущенья и безъ страха
Обошла свои посѣвы,
Начертала по равнинѣ
Кругъ волшебный и священный.

Только Полночь созерцала
Красоту ея во мракѣ;
Только смолкшій Вавонэйса
Слышалъ тихое дыханье,
Трепетъ сердца Миннегаги;
Плотно мантіей священной
Ночи мракъ ее окуталъ,
Чтобъ никто не могъ хвастливо
Говорить: „Ее я видѣлъ!“

На зарѣ, лишь день забрезжилъ,
Кагаги, Царь-Воронъ, скликалъ
Шайку черныхъ мародеровъ—
Всѣхъ дроздовъ, воронъ и соекъ,
Чтó шумѣли на деревьяхъ,
И безстрашно устремился
На посѣвы Гайаваты,
На зеленую могилу,
Гдѣ покоился Мондаминъ.

„Мы Мондамина подымемъ
Изъ его могилы тѣсной!—
Говорили мародеры.—
Намъ не страшенъ слѣдъ священный,
Намъ не страшенъ кругъ волшебный,
Обведенный Миннегагой!“

Но разумный Гайавата
Все предвидѣлъ, все обдумалъ:

Слышалъ онъ, какъ издѣвались
Надъ его словами птицы.
„Ко, друзья мои,—сказалъ онъ,—
Ко, мой Кагаги, Царь-Воронъ!
Ты съ своею шайкой долго
Будешь помнить Гайавату!“

Онъ проснулся до разсвѣта,
Онъ для черныхъ мародеровъ
Весь посѣвъ покрылъ сѣтями,
Самъ же легъ въ сосновой рощѣ,
Сталъ въ засадѣ терпѣливо
Поджидать воронъ и соекъ,
Поджидать дроздовъ и галокъ.

Вскорѣ птицами все поле
Запестрѣло и покрылось;
Дикой, шумною ватагой,
Съ крикомъ, карканьемъ нестройнымъ,
Принялись они за дѣло;
Но, при всемъ своемъ лукавствѣ,
Осторожности и знаньи
Разныхъ хитростей военныхъ,
Не замѣтили, что скрыта
Недалеко ихъ погибель,
И нежданно очутились
Всѣ въ тенетахъ Гайаваты.

Грозно всталъ тогда онъ съ мѣста,
Грозно вышелъ изъ засады—
И объялъ великій ужасъ
Даже самыхъ храбрыхъ плѣнныхъ!
Безъ пощады истреблялъ онъ
Ихъ направо и налѣво,

И десятками ихъ трупы
На шестахъ высокихъ вѣшалъ
Вкругъ посѣвовъ освященныхъ
Въ знакъ своей кровавой мести!

Только Кагаги, Царь-Воронъ,
Предводитель мародеровъ,
Пощаженъ былъ Гайаватой
И заложникомъ оставленъ.
Онъ понесъ его къ вигваму
И веревкою изъ вяза,
Боевой веревкой плѣнныхъ,
Привязалъ его на кровлѣ.

„Кагаги, тебя, — сказалъ онъ, —
Какъ зачинщика разбоя,
Предводителя злодѣевъ,
Оскорбившихъ Гайавату,
Я заложникомъ оставлю:
Ты порукою мнѣ будешь,
Что враги мои смирились!“

И остался черный плѣнникъ
Надъ вигвамомъ Гайаваты;
Злобно хмурился онъ, сидя
Въ блескѣ утренняго солнца,
Дико каркалъ онъ съ досады,
Хлопалъ крыльями большими, —
Тщетно рвался на свободу,
Тщетно звалъ друзей на помощь.

Лѣто шло, и Шавондази
Посылалъ, вздыхая страстно,
Изъ полдневныхъ странъ на сѣверъ
Нѣгу пламенныхъ лобзаній.

Росъ и зрѣлъ на солнцѣ маисъ
И во всемъ великолѣпьѣ,
Наконецъ, предсталъ на нивахъ:
Нарядился въ кисти, въ перья,
Въ разноцвѣтныя одежды;
А блестящіе початки
Налилися сладкимъ сокомъ,
Засверкали изъ подсохшихъ,
Разорвавшихся покрововъ.

И сказала Миннегагѣ
Престарѣлая Нокомисъ:
„Вотъ и Мѣсяцъ Листопада!
Дикій рисъ въ лугахъ ужъ собранъ,
И готовъ къ уборкѣ маисъ;
Время намъ итти на нивы
И съ Мондаминомъ бороться —
Снять съ него всѣ перья, кисти,
Снять нарядъ зелено-желтый!“

И сейчасъ же Миннегага
Вышла весело изъ дома
Съ престарѣлою Нокомисъ,
И онѣ созвали женщинъ,
Молодежь къ себѣ созвали,
Чтобъ сбирать созрѣвшій маисъ,
Чтобъ лущить его початки.

Подъ душистой тѣнью сосенъ,
На травѣ лѣсной опушки
Старцы, воины сидѣли
И, покуривая трубки,
Важно, молча любовались
На веселую работу
Молодыхъ людей и женщинъ,

Важно слушали въ молчаньи
Шумный говоръ, смѣхъ и пѣнье:
Словно Опечи на кровлѣ,
Пѣли дѣвушки на нивѣ,
Какъ сороки, стрекотали
И смѣялись, точно сойки.

Если дѣвушкѣ счастливой
Попадался очень спѣлый,
Весь пурпуровый початокъ,
„Нэшка! — всѣ кругомъ кричали: —
Ты счастливица, — ты скоро
За красавца замужъ выйдешь!“
„Угъ!“ — согласно отзывались
Изъ-подъ темныхъ сосенъ старцы.

Если жъ кто-нибудь на нивѣ
Находилъ кривой початокъ,
Вялый, ржавчиной покрытый,
Всѣ смѣялись, пѣли хоромъ,
Шли, хромая и согнувшись,
Точно дряхлый старикашка,
Шли и громко пѣли хоромъ:
„Вагэминъ, степной воришка,
Пэмосэдъ, ночной грабитель!“

И звенѣло поле смѣхомъ;
А на кровлѣ Гайаваты
Каркалъ Кагаги, Царь-Воронъ,
Бился въ ярости безсильной.
И на всѣхъ сосѣднихъ еляхъ
Раздавались, не смолкая,
Крики черныхъ мародеровъ.
„Угъ!“ — съ улыбкой отзывались
Изъ-подъ темныхъ сосенъ старцы.

14. ПИСЬМЕНА.

„Посмотри, какъ быстро въ жизни
Все забвенье поглощаетъ!
Блекнутъ славныя преданья,
Блекнутъ подвиги героевъ;
Гибнутъ знанья и искусство
Мудрыхъ Мидовъ и Вэбиновъ,
Гибнутъ дивныя видѣнья,
Грезы вѣщихъ Джосакидовъ!

„Память о великихъ людяхъ
Умираетъ вмѣстѣ съ ними;
Мудрость нашихъ дней исчезнетъ,
Не достигнетъ до потомства,
Къ поколѣньямъ, что́ сокрыты
Въ тьмѣ таинственной, великой
Дней безгласныхъ, дней грядущихъ.

„На гробницахъ нашихъ предковъ
Нѣтъ ни знаковъ, ни рисунковъ.
Кто въ могилахъ, — мы не знаемъ,
Знаемъ только — наши предки;
Но какой ихъ родъ иль племя,
Но какой ихъ древнiй Тотэмъ —
Бобръ, Орелъ, Медвѣдь, — не знаемъ;
Знаемъ только: „это предки“.

„При свиданьи — съ глазу на глазъ
Мы ведемъ свои бесѣды;
Но, разставшись, мы ввѣряемъ
Наши тайны тѣмъ, которыхъ
Посылаемъ мы другъ къ другу;
А посланники нерѣдко
Искажаютъ наши вѣсти
Иль другимъ ихъ открываютъ".

Такъ сказалъ себѣ однажды
Гайавата, размышляя
О родномъ своемъ народѣ
И бродя въ лѣсу пустынномъ.

Изъ мѣшка онъ вынулъ краски,
Всѣхъ цвѣтовъ онъ вынулъ краски
И на гладкой на берестѣ
Много сдѣлалъ тайныхъ знаковъ,
Дивныхъ и фигуръ и знаковъ;
Всѣ они изображали
Наши мысли, наши рѣчи.

Гитчи Манито могучій
Какъ яйцо былъ нарисованъ;
Выдающіяся точки
На яйцѣ обозначали
Всѣ четыре вѣтра неба.
„Вездѣсущъ Владыка Жизни" —
Вотъ что́ значилъ этотъ символъ.

Митчи Манито могучій,
Властелинъ всѣхъ Духовъ Злобы,
Былъ представленъ на рисункѣ,
Какъ великій змѣй, Кинэбикъ.

„Пресмыкается Духъ Злобы,
Но лукавъ и изворотливъ“ —
Вотъ что́ значилъ этотъ символъ.

Бѣлый кругъ былъ знакомъ жизни,
Черный кругъ былъ знакомъ смерти;
Дальше шли изображенья
Неба, звѣздъ, луны и солнца,
Водъ, лѣсовъ и горныхъ высей,
И всего, что́ населяетъ
Землю вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Для земли нарисовалъ онъ
Краской линію прямую,
Для небесъ — дугу надъ нею,
Для восхода — точку слѣва,
Для заката — точку справа,
А для полдня — на вершинѣ.
Все пространство подъ дугою
Бѣлый день обозначало,
Звѣзды въ центрѣ — время ночи,
А волнистыя полоски —
Тучи, дождь и непогоду.

Слѣдъ, направленный къ вигваму,
Былъ эмблемой приглашенья,
Знакомъ дружескаго пира;
Окровавленныя руки,
Грозно поднятыя кверху —
Знакомъ гнѣва и угрозы.

Кончивъ трудъ свой, Гайавата
Показалъ его народу,
Разъяснилъ его значенье

И промолвилъ: „Посмотрите!
На могилахъ вашихъ предковъ
Нѣтъ ни символовъ, ни знаковъ.
Такъ пойдите, нарисуйте
Каждый — свой домашній символъ,
Древній прадѣдовскій Тотэмъ,
Чтобъ грядущимъ поколѣньямъ
Можно было различать ихъ“.

И на столбикахъ могильныхъ
Всѣ тогда нарисовали
Каждый — свой фамильный Тотэмъ,
Каждый — свой домашній символъ:
Журавля, Бобра, Медвѣдя,
Черепаху иль Оленя.
Это было указаньемъ,
Что подъ столбикомъ могильнымъ
Погребенъ начальникъ рода.

А пророки, Джосакиды,
Заклинатели, Вэбины,
И врачи недуговъ, Миды,
Начертали на берестѣ
И на кожѣ много страшныхъ,
Много яркихъ, разноцвѣтныхъ
И таинственныхъ рисунковъ
Для своихъ волшебныхъ гимновъ:
Каждый былъ съ глубокимъ смысломъ,
Каждый символомъ былъ пѣсни.

Вотъ Великій Духъ, Создатель,
Озаряетъ свѣтомъ небо;
Вотъ Великій Змѣй, Кинэбикъ,
Приподнявъ кровавый гребень,

Извиваясь, смотритъ въ небо;
Вотъ журавль, орелъ и филинъ
Рядомъ съ вѣщимъ пеликаномъ;
Вотъ идущіе по небу
Обезглавленные люди
И пронзенные стрѣлами
Трупы воиновъ могучихъ;
Вотъ поднявшіяся грозно
Руки смерти въ пятнахъ крови
И могилы, и герои,
Захватившіе въ объятья
Небеса и землю разомъ!

Таковы рисунки были
На корѣ и ланьей кожѣ;
Пѣсни битвы и охоты,
Пѣсни Мидовъ и Вэбиновъ —
Все имѣло свой рисунокъ!
Каждый былъ съ глубокимъ смысломъ,
Каждый символомъ былъ пѣсни.

Пѣснь любви, которой чары
Всѣхъ врачебныхъ средствъ сильнѣе
И сильнѣе заклинаній,
И опаснѣй всякой битвы,
Не была забыта тоже.
Вотъ какъ въ символахъ и знакахъ
Пѣснь любви изображалась:

Нарисованъ очень ярко
Человѣкъ багряной краской —
Музыкантъ, любовникъ пылкій.
Смыслъ таковъ: „Я обладаю
Дивной властью надо всѣми!“

Дальше — онъ поетъ, играя
На волшебномъ барабанѣ,
Что́ должно сказать: „Внемли мнѣ!
Это мой ты слышишь голосъ!“

Дальше — эта же фигура,
Но подъ кровлею вигвама.
Смыслъ таковъ: „Я буду съ милой.
Нѣтъ преградъ для пылкой страсти!“

Дальше — женщина съ мужчиной,
Стоя рядомъ, крѣпко сжали
Руки съ нѣжностью другъ другу.
„Все твое я вижу сердце
И румянецъ твой стыдливый!“ —
Вотъ что́ значилъ символъ этотъ.

Дальше — дѣвушка средь моря,
На клочкѣ земли, средь моря;
Пѣсня этого рисунка
Такова: „Пусть ты далеко!
Пусть насъ море раздѣляетъ!
Но любви моей и страсти
Надъ тобой всесильны чары!“

Дальше — юноша влюбленный
Къ спящей дѣвушкѣ склонился
И, склонившись, тихо шепчетъ,
Говоритъ: „Хоть ты далеко,
Въ царствѣ Сна, въ странѣ Молчанья,
Но любви ты слышишь голосъ!“

А послѣдняя фигура —
Сердце въ самой серединѣ

Заколдованнаго круга.
„Вся душа твоя и сердце
Предо мной теперь открыты!“ —
Вотъ что́ значилъ символъ этотъ.

Такъ, въ своихъ заботахъ мудрыхъ
О народѣ, Гайавата
Научилъ его искуству
И письма и рисованья
На берестѣ глянцевитой,
На оленьей бѣлой кожѣ
И на столбикахъ могильныхъ.

15. ПЛАЧЪ ГАЙАВАТЫ.

Видя мудрость Гайаваты,
Видя, какъ онъ неизмѣнно
Съ Чайбайабосомъ былъ друженъ,
Злые духи устрашились
Ихъ стремленій благородныхъ
И, собравшись, заключили
Противъ нихъ союзъ коварный.

Осторожный Гайавата
Говорилъ нерѣдко другу:
„Братъ мой, будь всегда со мною!
Духовъ Злыхъ остерегайся!“
Но безпечный Чайбайабосъ
Только встряхивалъ кудрями,
Только нѣжно улыбался.
„О, не бойся, братъ мой милый:
Надо мной безсильны Духи!“ —
Отвѣчалъ онъ Гайаватѣ.

Разъ, когда зима покрыла
Синимъ льдомъ Большое Море,
И метель, кружась, шипѣла
Въ почернѣвшихъ листьяхъ дуба,
Осыпáла снѣгомъ ели,

И въ снѣгу онѣ стояли,
Точно бѣлые вигвамы, —
Взявши лукъ, надѣвши лыжи,
Не внимая просьбамъ брата,
Не страшась коварныхъ Духовъ,
Смѣло вышелъ Чайбайабосъ
На охоту за оленемъ.

Какъ стрѣла, олень рогатый
По Большому Морю мчался;
Съ вѣтромъ, снѣгомъ, словно буря,
Онъ преслѣдовалъ оленя,
Позабывъ въ пылу охоты
Всѣ совѣты Гайаваты.

А въ водѣ сидѣли Духи,
Стерегли его въ засадѣ,
Подломили ледъ коварный,
Увлекли пѣвца въ пучину,
Погребли въ пескахъ подводныхъ.
Энктаги, владыка моря,
Вѣроломный богъ Дакотовъ,
Утопилъ его въ студеной,
Зыбкой безднѣ Гитчи-Гюми.

И съ прибрежья Гайавата
Испустилъ такой ужасный
Крикъ отчаянья, что волки
На лугахъ завыли въ страхѣ,
Встрепенулися бизоны,
А въ горахъ раскаты грома
Эхомъ грянули: „Бэмъ-Вава!“

Черной краской лобъ покрылъ онъ,
Плащъ на голову накинулъ

И въ вигвамѣ, полный скорби,
Семь недѣль сидѣлъ и плакалъ,
Однозвучно повторяя:

„Онъ погибъ, онъ умеръ, нѣжный,
Сладкогласный Чайбайабосъ!
Онъ покинулъ насъ навѣки,
Онъ ушелъ въ страну, гдѣ льются
Неземныя пѣснопѣнья!
О, мой братъ! О, Чайбайабосъ!“

И задумчивыя пихты
Тихо вѣяли своими
Опахалами изъ хвои,
Изъ зеленой, темной хвои,
Надъ печальнымъ Гайаватой;
И вздыхали, и скорбѣли,
Утѣшая Гайавату.

И весна пришла, и рощи
Долго-долго поджидали,
Не придетъ ли Чайбайабосъ?
И вздыхалъ тростникъ въ долинѣ,
И вздыхалъ съ нимъ Сибовиша.

На деревьяхъ пѣлъ Овейса,
Пѣлъ Овейса синеперый:
„Чайбайабосъ! Чайбайабосъ!
Онъ покинулъ насъ навѣки!“

Опечи пѣлъ на вигвамѣ,
Опечи пѣлъ красногрудый:
„Чайбайабосъ! Чайбайабосъ!
Онъ покинулъ насъ навѣки!“

А въ лѣсу, во мракѣ ночи,
Раздавался заунывный,
Скорбный голосъ Вавонэйсы;
„Чайбайабосъ! Чайбайабосъ!
Онъ покинулъ насъ навѣки,
Сладкогласный Чайбайабосъ!“

Собрались тогда всѣ Миды,
Джосакиды и Вэбины,
И, построивъ въ чащѣ лѣса,
Близъ вигвама Гайаваты,
Свой пріютъ—Вигвамъ Священный,
Важно, медленно и молча
Всѣ пошли за Гайаватой,
Взявъ съ собой мѣшки и сумки,—
Кожи выдръ, бобровъ и рысей,
Гдѣ хранились корни, травы,
Исцѣлявшіе недуги.

Услыхавъ ихъ приближенье,
Пересталъ взывать онъ къ другу,
Пересталъ стенать и плакать,
Не промолвилъ имъ ни слова,
Только плащъ съ лица откинулъ,
Смылъ съ лица печали краску,
Смылъ въ молчаніи глубокомъ
И къ Священному Вигваму,
Какъ во снѣ, пошелъ за ними.

Тамъ его поили зельемъ,
Наколдованнымъ настоемъ
Изъ корней и травъ цѣлебныхъ:
Нама-Вэскъ—зеленой мяты
И Вэбино-Вэскъ—сурѣпки,

Тамъ надъ нимъ забили въ бубны
И запѣли заклинанья,
Гимнъ таинственный запѣли:

„Вотъ я самъ, я самъ съ тобою,
Я, Сѣдой Орелъ могучій!
Собирайтесь и внимайте,
Бѣлоперыя вороны!
Гулкій громъ мнѣ помогаетъ,
Духъ незримый помогаетъ,
Слышу всюду ихъ призывы,
Голоса ихъ слышу въ небѣ!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Исцѣлись, о, Гайавата!“

„Ги-о-га!“—весь хоръ отвѣтилъ,
„Вэ-га-вэ!“—весь хоръ волшебный.

„Всѣ друзья мои—всѣ змѣи!
Слушай—кожей соколиной
Я тряхну надъ головою!
Мангъ, нырокъ, тебя убью я,
Прострѣлю стрѣлою сердце!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Исцѣлись, о, Гайавата!“

„Ги-о-га!“—весь хоръ отвѣтилъ,
Вэ-га-вэ!“—весь хоръ волшебный.

„Вотъ я, вотъ пророкъ великій!
Говорю—и сѣю ужасъ,
Говорю—и весь трепещетъ
Мой вигвамъ, Вигвамъ Священный!
А иду—сводъ неба гнется,

Содрогаясь подо мною!
Братъ мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о, Гайавата!"

„Ги-о-га!"—весь хоръ отвѣтилъ,
„Вэ-га-вэ!"—весь хоръ волшебный.

И, мѣшками потрясая,
Танцовали танецъ Мидовъ
Вкругъ больного Гайаваты,—
И вскочилъ онъ, встрепенулся,
Исцѣлился отъ недуга,
Отъ безумья лютой скорби!
Какъ уходитъ ледъ весною,
Миновали дни печали,
Какъ уходятъ съ неба тучи,
Думы черныя сокрылись.

Послѣ къ другу Гайаваты,
Къ Чайбайабосу взывали,
Чтобъ возсталъ онъ изъ могилы,
Изъ песковъ Большого Моря,
И настолько властны были
Заклинанья и призывы,
Что услышалъ Чайбайабосъ
Ихъ въ пучинѣ Гитчи-Гюми,
Изъ песковъ онъ всталъ, внимая
Звукамъ бубновъ, пѣнью гимновъ,
И пришелъ къ дверямъ вигвама,
Повинуясь заклинаньямъ.

Тамъ ему, въ дверную щелку,
Дали уголь раскаленный,
Нарекли его владыкой

Въ царствѣ духовъ, въ царствѣ мертвыхъ
И, прощаясь, приказали
Разводить костры для мертвыхъ,
Для печальныхъ ихъ ночлеговъ
На пути въ Страну Понима.

Изъ родимаго селенья,
Отъ родныхъ и близкихъ сердцу
По зеленымъ чащамъ лѣса,
Какъ дымокъ, какъ тѣнь, безмолвно
Удалился Чайбайабосъ.
Гдѣ касался онъ деревьевъ—
Не качалися деревья,
Гдѣ ступалъ—трава не мялась,
Не шумѣла подъ ногами.

Такъ четыре дня и ночи
Шелъ онъ медленной стопою
По дорогѣ всѣхъ усопшихъ;
Земляникою усопшихъ
На пути своемъ питался,
Переправился на дубѣ
Чрезъ печальную ихъ рѣку,
По Серебрянымъ Озерамъ
Плылъ на Каменной Пирóгѣ,
И въ Селенія Блаженныхъ,
Въ царство духовъ, въ царство тѣней,
Принесло его теченье.

На пути онъ много видѣлъ
Блѣдныхъ духовъ, нагруженныхъ,
Истомленныхъ тяжкой ношей:
И одеждой, и оружьемъ,
И горшками съ разной пищей,

Что́ друзья имъ надавали
На дорогу въ край Понима.

Горько жаловались духи:
„Ахъ, зачѣмъ на насъ живые
Возлагаютъ бремя это!
Лучше бъ мы пошли нагими,
Лучше бъ голодъ мы терпѣли,
Чѣмъ нести такое бремя! —
Истомилъ насъ путь далекій!“

Гайавата же надолго
Свой родной вигвамъ оставилъ,
На Востокъ пошелъ, на Западъ,
Поучалъ употребленью
Травъ цѣлебныхъ и волшебныхъ.
Такъ священное искусство
Врачеванія недуговъ
Въ первый разъ познали люди.

16. ПО-ПОКЪ-КИВИСЪ.

Стану пѣть, какъ По-Покъ-Кивисъ,
Какъ красавецъ Йенадиззи
Взбудоражилъ всю деревню
Дерзкой удалью своею;
Какъ, спасаясь только чудомъ,
Онъ бѣжалъ отъ Гайаваты,
И какой конецъ печальный
Былъ чудеснымъ приключеньямъ.

На прибрежьѣ Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
На песчаномъ Нэго-Воджу
Жилъ красавецъ По-Покъ-Кивисъ.
Это онъ во время свадьбы
Гайаваты съ Миннегагой
Такъ безумно и разгульно
Танцовалъ подъ звуки флейты,
Это онъ въ безумномъ танцѣ
Накидалъ песокъ холмами
На прибрежьѣ Гитчи-Гюми.

Заскучавши отъ бездѣлья,
Вышелъ разъ онъ изъ вигвама
И направился поспѣшно
Прямо къ Ягу, гдѣ сбиралась

Слушать сказки и преданья
Молодежь со всей деревни.

Старый Ягу въ это время
Забавлялъ гостей разсказомъ
Объ Оджигѣ, о куницѣ:
Какъ она пробила небо,
Какъ вскарабкалась на небо,
Лѣто выпустила съ неба;
Какъ сначала подвигъ этотъ
Совершить пыталась выдра,
Какъ барсукъ съ бобромъ и рысью
На вершины горъ взбирались,
Бились въ небо головами,
Бились лапами, но небо
Только трескалось надъ ними;
Какъ отважилась на подвигъ,
Наконецъ, и россомаха.

„Подскочила россомаха, —
Говорилъ гостямъ разсказчикъ, —
Подскочила — и надъ нею
Такъ и вздулся сводъ небесный,
Словно ледъ въ рѣкѣ весною!
Подскочила снова — небо
Гулко треснуло надъ нею,
Словно льдина въ половодье!
Подскочила напослѣдокъ —
Небо въ дребезги разбила,
Скрылась въ небѣ, а за нею
И Оджигъ въ одно мгновенье
Очутилася на небѣ!“

„Слушай! — крикнулъ По-Покъ-Кивисъ,
Появляясь на порогѣ: —

Надоѣли эти сказки!
Надоѣли хуже мудрыхъ
Поученій Гайаваты!
Мы отыщемъ для забавы
Кое-что получше сказокъ".

Тутъ, торжественно раскрывши
Свой кошель изъ волчьей кожи,
По-Покъ-Кивисъ вынулъ чашу
И фигуры Погасэна:
Томагаукъ, Поггэвогонъ,
Рыбку маленькую, Киго,
Пару змѣй и пару пѣшекъ,
Три утенка и четыре
Мѣдныхъ диска, Озавабикъ.
Всѣ фигуры, кромѣ дисковъ,
Темныхъ сверху, свѣтлыхъ снизу,
Были сдѣланы изъ кости
И покрыты яркой краской,—
Красной сверху, бѣлой снизу.

Положивъ фигуры въ чашу,
Онъ встряхнулъ, перемѣшалъ ихъ,
Кинулъ наземь предъ собою
И выкрикивалъ, что̀ вышло:
„Краснымъ кверху пали кости,
А змѣя, Кинэбикъ, стала
На блестящемъ мѣдномъ дискѣ;
Счетомъ сто и тридцать восемь!"

И опять смѣшалъ фигуры,
Положилъ опять ихъ въ чашу,
Кинулъ на земь предъ собою
И выкрикивалъ, что̀ вышло:

„Бѣлымъ кверху пали змѣи,
Бѣлымъ кверху пали пѣшки,
Краснымъ — прочія фигуры;
Пятьдесятъ и восемь счетомъ!“

Такъ училъ ихъ По-Покъ-Кивисъ,
Такъ, играя для примѣра,
Онъ металъ и объяснялъ имъ
Всѣ пріемы Погасэна.
Двадцать глазъ за нимъ слѣдили,
Разгораясь любопытствомъ.

„Много игръ, — промолвилъ Ягу, —
Много игръ, опасныхъ, трудныхъ,
Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ земляхъ
На своемъ вѣку я видѣлъ.
Кто играетъ съ старымъ Ягу,
Долженъ быть на рѣдкость ловокъ!
Не хвалися, По-Покъ-Кивисъ!
Будешь ты сейчасъ обыгранъ,
Жестоко наказанъ мною!“

Началась игра, и дико
Увлеклись игрою гости!
На одежду, на оружье,
До полночи, до разсвѣта,
Старики и молодые —
Всѣ играли, всѣ метали,
И лукавый По-Покъ-Кивисъ
Обыгралъ ихъ безъ пощады!
Взялъ всѣ лучшія одежды,
Взялъ оружье боевое,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и кисеты!

Двадцать глазъ предъ нимъ сверкали,
Какъ глаза волковъ голодныхъ.

Напослѣдокъ онъ промолвилъ:
„Я въ товарищѣ нуждаюсь:
Въ путешествіяхъ и дома
Я всегда одинъ, и нуженъ
Мнѣ помощникъ, Мэшинова,
Кто бъ носилъ за мною трубку.
Весь мой выигрышъ богатый —
Всѣ мѣха и украшенья,
Все оружіе и перья —
Все въ одинъ я конъ поставлю
Вотъ на этого красавца!“
То былъ юноша высокій
По шестнадцатому году,
Сирота, племянникъ Ягу.

Какъ огонь сверкаетъ въ трубкѣ,
Подъ сѣдой золой краснѣя,
Засверкали взоры Ягу
Подъ нависшими бровями.
„Угъ!“ — отвѣтилъ онъ свирѣпо.
„Угъ!“ — отвѣтили и гости.

И, костлявыми руками
Стиснувъ чашу роковую,
Ягу съ яростью подбросилъ
И разсыпалъ вкругъ фигуры.

Краснымъ кверху пали пѣшки,
Краснымъ кверху пали змѣи,
Краснымъ кверху и утята,
Озавабики — всѣ чернымъ,

Бѣлымъ только рыбка, Киго;
Только пять всего по счету!

Улыбаясь, По-Покъ-Кивисъ
Положилъ фигуры въ чашу,
Ловко вскинулъ ихъ на воздухъ
И разсыпалъ предъ собою:
Красной, бѣлой, черной краской
На землѣ онѣ блестѣли,
А межъ ними встала пѣшка,
Всталъ Инайнивэгъ, подобно
По-Покъ-Кивису красавцу,
Говорившему съ улыбкой:
„Пять десятковъ! Все за мною!“

Двадцат глазъ горѣли злобой,
Какъ глаза волковъ голодныхъ,
Въ тотъ моментъ, какъ По-Покъ-Кивисъ
Всталъ и вышелъ изъ вигвама,
А за нимъ племянникъ Ягу,
Стройный юноша высокій,
Уносилъ оленьи кожи,
Горностаевыя шубы,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и оружье!

„Отнеси мою добычу
Въ мой вигвамъ на Нэго-Воджу!“—
Властно молвилъ По-Покъ-Кивисъ,
Пышнымъ вѣеромъ играя.

Отъ игры и отъ куренья
У него горѣли вѣки,
И отрадно грудь дышала.

Лѣтней утренней прохладой.
Въ рощахъ звонко пѣли птицы,
По лугамъ ручьи шумѣли,
А въ груди у Йенадиззи
Пѣло сердце отъ восторга,
Пѣло весело, какъ птица,
Билось гордо, какъ источникъ.
Гордо шелъ онъ по деревнѣ
Въ сѣромъ сумракѣ разсвѣта,
Пышнымъ вѣеромъ играя,
И прошелъ по всей деревнѣ
До послѣдняго вигвама,
До жилища Гайаваты.

Тишина была въ вигвамѣ.
На порогъ никто не вышелъ
Къ По-Покъ-Кивису съ привѣтомъ;
Только птицы у порога
Пѣли, прыгали, порхали,
Тамъ и сямъ сбирая зерна;
Только Кагаги съ вигвама
Встрѣтилъ гостя хриплымъ крикомъ,
Съ крикомъ крыльями захлопалъ,
Взоромъ огненнымъ сверкая.

„Всѣ ушли! Жилище пусто!—
Такъ промолвилъ По-Покъ-Кивисъ,
Замышляя злую шутку.—
Нѣтъ ни глупой Миннегаги,
Ни хозяина, ни бабки;
Тутъ теперь что́ хочешь дѣлай!“

Стиснувъ ворона за горло,
Онъ вертѣлъ имъ, какъ трещеткой,

Какъ мѣшкомъ съ травой цѣлебной,
Придушилъ его и бросилъ,
Чтобъ висѣлъ онъ надъ вигвамомъ,
На позоръ его владѣльцу,
На позоръ для Гайаваты.

А потомъ вошелъ въ жилище,
Раскидалъ кругомъ порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидалъ, куда попало,
Всѣ котлы, горшки и миски,
Мѣхъ бобровъ и горностаевъ,
Шкуры буйволовъ и рысей,
На позоръ Нокомисъ старой,
На позоръ для Миннегаги.

Беззаботно напѣвая
И посвистывая бѣлкамъ,
Шелъ онъ по лѣсу, а бѣлки
Грызли желуди на вѣткахъ,
Шелухой въ него кидали;
Беззаботно пѣлъ онъ птицамъ,
И за темною листвою
Такъ же весело и звонко
Отвѣчали пѣньемъ птицы.

Со скалистаго прибрежья
Онъ смотрѣлъ на Гитчи-Гюми,
Легъ на самомъ видномъ мѣстѣ
И съ злорадствомъ дожидался
Возвращенья Гайаваты.

На спинѣ, раскинувъ руки,
Онъ дремалъ въ полдневномъ зноѣ.

Далеко подъ нимъ плескались,
Омывали берегъ волны,
Высоко надъ нимъ сіяло
Голубою бездной небо,
А кругомъ носились птицы,
Стаи птицъ носились съ крикомъ
И почти что задѣвали
По-Покъ-Кивиса крылами.

Онъ убилъ ихъ много-много,
Онъ десятками швырялъ ихъ
Со скалистаго прибрежья
Прямо въ волны Гитчи-Гюми.
И Кайошкъ, морская чайка,
Наконецъ вскричала громко:
„Это дерзкій По-Покъ-Кивисъ!
Это онъ насъ избиваетъ!
Гдѣ же братъ нашъ, Гайавата?
Извѣстите Гайавату!“

17. ПОГОНЯ ЗА ПО-ПОКЪ-КИВИСОМЪ.

Гнѣвомъ вспыхнулъ Гайавата,
Возвратившись на деревню,
Увидавъ народъ въ смятеньи,
Услыхавши, что̀ надѣлалъ
Дерзкій, хитрый По-Покъ-Кивисъ.

Задыхался онъ отъ гнѣва;
Злобно стискивая зубы,
Онъ шепталъ врагу проклятья,
Бормоталъ, гудѣлъ, какъ шершень.
„Я убью его, — сказалъ онъ, —
Я убью, найду злодѣя!
Какъ бы ни былъ путь мой дологъ,
Какъ бы ни былъ путь мой труденъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣетъ,
Месть моя врага настигнетъ!“

Тотчасъ кликнулъ онъ сосѣдей
И поспѣшно устремился
По слѣдамъ его въ погоню,—
По лѣсамъ, гдѣ проходилъ онъ
На прибрежье Гитчи-Гюми;
Но никто врага не встрѣтилъ:
Отыскали только мѣсто

На травѣ, въ кустахъ черники,
Гдѣ лежалъ онъ, отдыхая,
И примялъ цвѣты и травы.

Вдругъ на Мускодэ зеленой,
На долинѣ подъ горами,
Показался По-Покъ-Кивисъ:
Сдѣлавъ дерзкій знакъ рукою,
Набѣгу онъ обернулся,
И съ горы, ему вдогонку,
Громко крикнулъ Гайавата:
„Какъ бы ни былъ путь мой догогъ,
Какъ бы ни былъ путь мой труденъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣетъ,
Месть моя тебя настигнетъ!“

Черезъ скалы, черезъ рѣки,
По кустарникамъ и чащамъ
Мчался хитрый По-Покъ-Кивисъ,
Прыгалъ, словно антилопа.
Наконецъ, остановился
Надъ прудомъ въ лѣсной долинѣ,
На плотинѣ, возведенной
Осторожными бобрами,
Надъ разлившимся потокомъ,
Надъ затономъ полусоннымъ,
Гдѣ въ водѣ росли деревья,
Гдѣ кувшинчики желтѣли,
Гдѣ камышъ шепталъ, качаясь.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивисъ
Сталъ на гать изъ пней и сучьевъ;
Сквозь нее вода сочилась,
А по ней ручьи бѣжали;

И со дна пруда къ плотинѣ
Выплылъ бобръ и сталъ большими,
Удивленными глазами
Изъ воды смотрѣть на гостя.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивисъ
Предъ бобромъ стоялъ въ раздумьѣ,
По ногамъ его струились
Ручейки сребристой влагой,
И съ бобромъ заговорилъ онъ,
Такъ сказалъ ему съ улыбкой:
„О, мой другъ Амикъ! Позволь мнѣ
Отдохнуть въ твоемъ вигвамѣ,
Отдохнуть въ водѣ прохладной,—
Преврати меня въ Амика!"

Осторожно бобръ отвѣтилъ,
Помолчалъ и такъ отвѣтилъ:
„Дай я съ прочими бобрами
Посовѣтуюсь сначала".
И, отвѣтивъ, опустился,
Какъ тяжелый камень, въ воду,
Скрылся въ чащѣ темно-бурыхъ
Тростниковъ и листьевъ лилій.

Надъ затономъ По-Покъ-Кивисъ
Ждалъ бобра на зыбкой гати;
Ручейки съ невнятнымъ плескомъ
По ногамъ его бѣжали,
Серебристыми струями
Съ гати падали на камни
И спокойно разливались
Межъ камнями по долинѣ;
А кругомъ листвой зеленой
Лѣсъ шумѣлъ, качались вѣтви,

И сквозь вѣтви свѣтъ и тѣни,
По землѣ скользя, играли.

Не спѣша, поодиночкѣ
Собрались бобры къ плотинѣ;
Осторожно показалась
Голова, потомъ другая,
Наконецъ, весь прудъ широкій
Рыльца черныя покрыли,
Лоснясь въ яркомъ блескѣ солнца

И къ бобрамъ съ улыбкой хитрой
Обратился По-Покъ-Кивисъ:
„О, друзья мои! Покойно,
Хорошо у васъ въ вигвамахъ!
Всѣ вы опытны и мудры,
Всѣ на выдумки искусны,
Превратите же скорѣе
И меня въ бобра, Амика!"

„Хорошо!—Амикъ отвѣтилъ,
Царь бобровъ, Амикъ, отвѣтилъ:—
Опускайся съ нами въ воду,
Опускайся въ прудъ съ бобрами!"

Молча въ тихій прудъ съ бобрами
Опустился По-Покъ-Кивисъ.
Черной, гладкой и блестящей
Стала вся его одежда,
А хвосты лисицъ на пяткахъ
Въ толстый черный хвостъ слилися
И бобромъ сталъ По-Покъ-Кивисъ.

„О, друзья мои, — сказалъ онъ, —
Я хочу быть выше, больше,

Больше всѣхъ бобровъ на свѣтѣ".
„Хорошо, — Амикъ отвѣтилъ: —
Вотъ когда придемъ въ жилище,
Въ нашъ вигвамъ на днѣ потока,
Въ десять разъ ты станешь больше".

Такъ подъ темною водою
Шелъ съ бобрами По-Покъ-Кивисъ,
Подъ водою, гдѣ лежали
Вѣтви, пни и груды корма,
И пришелъ съ бобрами къ аркѣ,
Чтó вела въ вигвамъ обширный.

Тамъ опять онъ превратился,
Въ десять разъ сталъ выше, больше,
И бобры ему сказали:
„Будь у насъ вождемъ отнынѣ,
Будь надъ нами властелиномъ".

Но недолго По-Покъ-Кивисъ
Могъ почетомъ наслаждаться:
Бобръ, поставленный на стражѣ
Въ чащѣ шпажниковъ и лилій,
Вдругъ воскликнулъ: „Гайавата!
Гайавата на плотинѣ!"

Вслѣдъ за этимъ раздалися
На плотинѣ крики, говоръ,
Трескъ валежника и топотъ,
А вода заволновалась,
Стала падать, понижаться,
И бобры поняли въ страхѣ,
Что плотина прорвалася.

Съ трескомъ рухнула и крыша
Ихъ просторнаго вигвама;
Въ щели крыши засверкало
Солнце яркими лучами,
И бобры поспѣшно скрылись
Подъ водой, гдѣ было глубже;
Но могучій По-Покъ-Кивисъ
Не пролѣзъ за ними въ двери:
Онъ отъ гордости и пищи,
Какъ пузырь, распухъ, раздулся.

Въ щели крыши Гайавата
На него смотрѣлъ и громко
Восклицалъ: „О, По-Покъ-Кивисъ!
Тщетны всѣ твои уловки,
Безполезны превращенья, —
Не спасешься, По-Покъ-Кивисъ!"

Безъ пощады колотили
По-Покъ-Кивиса дубины,
Молотили, словно маисъ,
На куски разбили черепъ.
Шесть охотниковъ высокихъ
Положили на носилки,
Понесли его въ деревню;
Но не умеръ По-Покъ-Кивисъ
Джиби, духъ его, не умеръ.

Онъ барахтался, метался,
Изгибаясь и качаясь,
Какъ дверныя занавѣски
Изгибаются, качаясь,
Если вѣтеръ дуетъ въ двери,
И опять собрался съ силой,

Принялъ образъ человѣка,
Всталъ и въ бѣгство устремился
По-Покъ-Кивисомъ лукавымъ.

Но отъ взоровъ Гайаваты
Не успѣлъ въ лѣсу онъ скрыться;
Въ голубой и мягкій сумракъ
Подъ вѣтвями дальнихъ сосенъ,
Къ свѣтлой просѣкѣ за ними
Вихремъ мчался По-Покъ-Кивисъ,
Нагибая вѣтви съ шумомъ,
Но сквозь шумъ вѣтвей онъ слышалъ,
Что его, какъ бурный ливень,
Настигаетъ Гайавата.

Задыхаясь, По-Покъ-Кивисъ
Наконецъ остановился
Передъ озеромъ широкимъ,
По которому средь лилій,
Въ тростникахъ, межъ островами,
Тихо плавали казарки,
То скрываясь въ тѣнь деревьевъ,
То сверкая въ блескѣ солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя въ воду.

„Пишнэкэ! — воскликнулъ громко
По-Покъ-Кивисъ, — превратите
Поскорѣй меня въ казарку,
Только въ самую большую, —
Въ десять разъ сильнѣй и больше,
Чѣмъ другія всѣ казарки!“

Но едва онѣ успѣли
Превратить его въ казарку, —

Въ исполинскую казарку
Съ круглой лоснящейся грудью,
Съ парой темныхъ мощныхъ крыльевъ
И съ большимъ широкимъ клювомъ,—
Какъ изъ лѣса съ громкимъ крикомъ
Сталъ предъ ними Гайавата!

Съ громкимъ крикомъ поднялися
И казарки надъ водою,
Поднялися шумной стаей
Изъ озерныхъ травъ и лилій
И сказали: „По-Покъ-Кивисъ!
Будь теперь поосторожнѣй, —
Берегись смотрѣть на землю,
Чтобы не было несчастья,
Чтобъ бѣды не приключилось!"

Смѣло путь онѣ держали,
Путь на дальній, дикій сѣверъ,
Пролетали то въ туманѣ,
То въ сіяньи яркомъ солнца,
Ночевали и кормились
Въ камышахъ болотъ пустынныхъ
И съ зарей пустились дальше.
Плавно мчалъ ихъ южный вѣтеръ,
Дулъ свѣжо и сильно въ крылья.

Вдругъ донесся къ нимъ неясный,
Отдаленный шумъ и говоръ,
Донеслись людскія рѣчи
Изъ селенія подъ ними:
То народъ съ земли дивился
На невиданныя крылья
По-Покъ-Кивиса-казарки, —

Эти крылья были шире,
Чѣмъ дверныя занавѣски.

По-Покъ-Кивисъ слышалъ крики,
Слышалъ голосъ Гайаваты,
Слышалъ громкій голосъ Ягу,
Позабылъ совѣтъ казарокъ,
Съ высоты взглянулъ на землю —
И въ одно мгновенье вѣтеръ
Подхватилъ его, смялъ крылья
И понесъ, вертя, на землю.

Тшетно справиться хотѣлъ онъ,
Тщетно думалъ удержаться!
Вихремъ падая на землю,
Онъ порой то землю видѣлъ,
То казарокъ въ синемъ небѣ,
Видѣлъ, что земля все ближе,
А просторъ небесъ — все дальше,
Слышалъ громкій смѣхъ и говоръ,
Слышалъ крики все яснѣе,
Потерялъ изъ глазъ казарокъ,
Увидалъ внизу вигвамы
И съ размаху палъ на землю, —
Съ тяжкимъ стукомъ средь народа
Пала мертвая казарка!

Но его лукавый Джиби,
Духъ его, въ одно мгновенье
Принялъ образъ человѣка,
По-Покъ-Кивиса красавца,
И опять пустился въ бѣгство,
И опять за нимъ въ погоню
Устремился Гайавата,

Восклицая: „Какъ бы ни былъ
Путь мой дологъ и опасенъ,
Гнѣвъ мой все преодолѣетъ,
Месть моя тебя настигнетъ!“

Въ двухъ шагахъ былъ По-Покъ-Кивисъ,
Вь двухъ шагахъ отъ Гайаваты,
Но мгновенно закружился,
Поднялъ вихремъ пыль и листья
И исчезъ въ дуплѣ дубовомъ,
Перекинулся змѣею,
Проскользнулъ змѣей подъ корни.

Быстро правою рукою
Искрошилъ весь дубъ на щепки
Гайавата, — но напрасно!
Вновь лукавый По-Покъ-Кивисъ
Принялъ образъ человѣка
И помчался въ бурномъ вихрѣ
Къ Живописнымъ Скаламъ краснымъ,
Что̀ съ прибрежья озираютъ
Всю страну и Гитчи-Гюми.

И Владыка Горъ могучій,
Горный Манито могучій
Распахнулъ предъ нимъ ущелье,
Распахнулъ широко пропасть, —
Скрылъ его отъ Гайаваты
Въ мрачномъ каменномъ жилищѣ,
Ввелъ его съ радушной лаской
Въ тьму своихъ пещеръ угрюмыхъ.

А снаружи Гайавата,
Предъ закрытымъ входомъ стоя,

Рукавицей, Минджикэвонъ,
Пробивалъ въ горѣ пещеры
И кричалъ въ великомъ гнѣвѣ:
„Отопри! Я Гайавата!“
Но Владыка Горъ не отперъ,
Не отвѣтилъ Гайаватѣ
Изъ своихъ пещеръ безмолвныхъ,
Изъ скалистой мрачной бездны.

И простеръ онъ руки къ небу,
Призывая Эннэмики
И Вэвэссимо на помощь,
И пришли они во мракѣ,
Съ ночью, съ бурей, съ ураганомъ,
Пронеслись по Гитчи-Гюми
Съ отдаленныхъ Горъ Громовыхъ,
И услышалъ По-Покъ-Кивисъ
Тяжкій грохотъ Эннэмики,
Увидалъ онъ блескъ огнистый
Глазъ Вэвэссимо, и въ страхѣ
Задрожалъ и притаился.

Тяжкой палицей своею
Скалы молнія разбила
Надъ преддверіемъ пещеры,
Грянулъ громъ въ ея средину,
Говоря: „Гдѣ По-Покъ-Кивисъ?“ —
И разсыпались утесы,
И среди развалинъ мертвымъ
Палъ лукавый По-Покъ-Кивисъ,
Палъ красавецъ Йенадиззи.

Благородный Гайавата
Вынулъ духъ его изъ тѣла

И сказалъ: „О, По-Покъ-Кивисъ!
Никогда ужъ ты не примешь
Снова образъ человѣка,
Никогда не будешь больше
Танцовать съ безпечнымъ смѣхомъ,
Но высоко въ синемъ небѣ
Будешь ты парить и плавать,
Будешь ты Киню отнынѣ —
Боевымъ Орломъ могучимъ!“

И живутъ съ тѣхъ поръ въ народѣ
Пѣсни, сказки и преданья
О красавцѣ Йенадиззи;
И зимой, когда въ деревнѣ
Вихри снѣжные гуляютъ,
А въ трубѣ вигвама свищетъ,
Завываетъ буйный вѣтеръ, —
„Это хитрый По-Покъ-Кивисъ
Въ пляскѣ бѣшеной несется!“ —
Говорятъ другъ другу люди.

18. СМЕРТЬ КВАЗИНДА.

Далеко прошелъ по свѣту
Слухъ о Квазиндѣ могучемъ:
Онъ соперниковъ не вѣдалъ,
Онъ себѣ не вѣдалъ равныхъ.
И завистливое племя
Злобныхъ Гномовъ и Пигмеевъ,
Злобныхъ духовъ Покъ-Уэджисъ,
Погубить его рѣшило.

„Если этотъ дерзкій Квазиндъ,
Ненавистный всѣмъ намъ Квазиндъ,
Поживетъ еще на свѣтѣ,
Все губя, уничтожая,
Удивляя всѣ народы
Дивной силою своею, —
Что́ же будетъ съ Покъ-Уэджисъ?—
Говорили Покъ-Уэджисъ.—
Онъ растопчетъ насъ, раздавитъ,
Онъ подводнымъ злобнымъ духамъ
Всѣхъ насъ кинетъ на съѣденье!“

Такъ, пылая лютой злобой,
Совѣщались Покъ-Уэджисъ
И убить его рѣшили,

Да, убить его,—избавить
Міръ отъ Квазинда навѣки!

Сила Квазинда и слабость
Только въ темени таилась:
Только въ темя можно было
На смерть Квазинда поранить,
Но и то однимъ оружьемъ—
Голубой еловой шишкой.
Роковая тайна эта
Не была извѣстна смертнымъ,
Но коварные Пигмеи,
Покъ-Уэджисъ, знали тайну,
Знали, какъ врага осилить.

И они набрали шишекъ,
Голубыхъ еловыхъ шишекъ
По лѣсамъ надъ Таквамино,
Отнесли ихъ и сложили
На ея высокій берегъ,
Тамъ, гдѣ красные утесы
Нависаютъ надъ водою,
Сами спрятались и стали
Поджидать врага въ засадѣ.

Было это въ полдень лѣтомъ;
Тихъ былъ сонный знойный воздухъ,
Неподвижно спали тѣни,
Въ полуснѣ рѣка струилась;
По рѣкѣ, блестя на солнцѣ,
Насѣкомыя скользили,
Въ знойномъ воздухѣ далеко
Раздавалось ихъ жужжанье,
Ихъ напѣвы боевые.

По рѣкѣ плылъ мощный Квазиндъ,
По теченью плылъ лѣниво,
По дремотной Таквамино,
Плылъ въ березовой пиро́гѣ,
Истомленный тяжкимъ зноемъ,
Усыпленный тишиною.

По вѣтвямъ, къ рѣкѣ склоненнымъ,
По кудрямъ березъ плакучихъ,
Осторожно опустился
На него Духъ Сна, Нэпавинъ;
Въ сонмѣ спутниковъ незримыхъ,
Во главѣ воздушной рати,
По вѣтвямъ сошелъ Нэпавинъ,
Бирюзовой Дэшъ-кво-ни-ши,
Стрекозою, сталъ онъ тихо
Надъ пловцомъ усталымъ рѣять.

Квазиндъ слышалъ чей-то шопотъ,
Смутный, словно вздохи сосенъ,
Словно дальній ропотъ моря,
Словно дальній шумъ прибоя,
И почувствовалъ удары
Томагауковъ воздушныхъ,
Поражавшихъ прямо въ темя,
Управляемыхъ несмѣтной
Ратью Духовъ Сна незримыхъ.

И отъ перваго удара
Обняла его дремота,
Отъ второго—онъ безсильно
Опустилъ весло въ пиро́гу,
Послѣ третьяго—окрестность
Передъ нимъ покрылась тьмою:
Крѣпкимъ сномъ забылся Квазиндъ.

Такъ и плылъ онъ по теченью,—
Какъ слѣпой, сидѣлъ въ пиро́гѣ,
Сонный плылъ по Таквамино,
Подъ прибрежными лѣсами,
Мимо трепетныхъ березокъ,
Мимо вражеской засады,
Мимо лагеря Пигмеевъ.

Градомъ сыпалися шишки,
Голубыя шишки елей
Въ темя Квазинда съ прибрежья.
„Смерть врагу!"—раздался громкій
Боевой крикъ Покъ-Уэджисъ.

И упалъ на бортъ пиро́ги
И свалился въ рѣку Квазиндъ,
Головою внизъ, какъ выдра,
Въ воду сонную свалился,
А пиро́га, кверху килемъ,
Поплыла одна, блуждая
По теченью Таквамино.

Такъ погибъ могучій Квазиндъ.
Но хранилось долго-долго
Имя Квазинда въ народѣ,
И когда въ лѣсахъ зимою
Бушевали, выли бури,
Съ трескомъ гнули и ломали
Вѣтви стонущихъ деревьевъ,—
„Квазиндъ!—люди говорили,—
Это Квазиндъ собираетъ
На костеръ себѣ валежникъ!"

19. ПРИВИДѢНІЯ.

Никогда хохлатый коршунъ
Не спускается въ пустынѣ
Надъ пораненнымъ бизономъ
Безъ того, чтобъ на добычу
И второй не опустился;
За вторымъ же въ синемъ небѣ
Тотчасъ явится и третій,
Такъ что вскорости отъ крыльевъ
Собирающейся стаи
Даже воздухъ потемнѣетъ.

И бѣда одна не ходитъ;
Сторожатъ другъ друга бѣды;
Чуть одна изъ нихъ нагрянетъ,—
Вслѣдъ за ней спѣшатъ другія
И, какъ птицы, вьются, вьются
Черной стаей надъ добычей,
Такъ что бѣлый свѣтъ померкнетъ
Отъ отчаянья и скорби.

Вотъ опять на хмурый сѣверъ
Мощный Пибоанъ вернулся!
Ледянымъ своимъ дыханьемъ
Превратилъ онъ воды въ камень

На рѣкахъ и на озерахъ,
Съ косъ стряхнулъ онъ хлопья снѣга,
И поля покрылись бѣлой,
Ровной снѣжной пеленою,
Будто самъ Владыка Жизни
Сгладилъ ихъ рукой своею.

По лѣсамъ, подъ пѣсни вьюги,
Звѣроловъ бродилъ на лыжахъ;
Въ деревняхъ, въ вигвамахъ теплыхъ,
Мирно женщины трудились,
Молотили кукурузу
И выдѣлывали кожи;
Молодежь же проводила
Время въ играхъ и забавахъ,
Въ танцахъ, въ бѣганьи на лыжахъ.

Темнымъ вечеромъ однажды
Престарѣлая Нокомисъ
Съ Миннегагою сидѣла
За работою въ вигвамѣ,
Чутко слушая въ молчаньи,
Не идетъ ли Гайавата,
Запоздавшій на охотѣ.

Свѣтъ костра багряной краской
Разрисовывалъ ихъ лица,
Трепеталъ въ глазахъ Нокомисъ
Серебристымъ луннымъ блескомъ,
А въ глазахъ у Миннегаги—
Блескомъ солнца надъ водою;
Дымъ, клубами собираясь,
Уходилъ въ трубу надъ ними,
По угламъ вигвама тѣни
Изгибалися за ними.

И открылась тихо-тихо
Занавѣска надъ порогомъ;
Ярче пламя запылало,
Дымъ сильнѣй заволновался—
И двѣ женщины безмолвно,
Безъ привѣта и безъ зова,
Чрезъ порогъ переступили,
Проскользнули по вигваму
Въ самый дальній, темный уголъ,
Сѣли тамъ и притаились.

По обличью, по одеждѣ
Это были чужеземки;
Блѣдны, мрачны были обѣ
И съ безмолвною тоскою,
Содрогаясь, какъ отъ стужи,
Изъ угла онѣ глядѣли.

То не вѣтеръ ли полночный
Загудѣлъ въ трубѣ вигвама?
Не сова ли, Куку-кугу,
Застонала въ мрачныхъ соснахъ?
Голосъ вдругъ изрекъ въ молчаньи:
„Это мертвые возстали,
Это души погребенныхъ
Къ вамъ пришли изъ Странъ Понима,
Изъ страны Загробной Жизни!"

Скоро изъ лѣсу, съ охоты,
Возвратился Гайавата,
Весь осыпанъ бѣлымъ снѣгомъ
И съ оленемъ за плечами.
Передъ милой Миннегагой
Онъ сложилъ свою добычу

И теперь еще прекраснѣй
Показался Миннегагѣ,
Чѣмъ въ тотъ день, когда за нею
Онъ пришелъ въ страну Дакотовъ,
Положилъ предъ ней оленя,
Въ знакъ своихъ желаній тайныхъ,
Въ знакъ своей любви сердечной.

Положивъ, онъ обернулся,
Увидалъ въ углу двухъ женщинъ
И сказалъ себѣ: „Кто это?
Странны гостьи Миннегаги!“
Но разспрашивать не сталъ ихъ,
Только съ ласковымъ привѣтомъ
Попросилъ ихъ раздѣлить съ нимъ
Кровъ его, очагъ и пищу.

Гостьи блѣдныя ни слова
Не сказали Гайаватѣ;
Но когда готовъ былъ ужинъ
И олень уже разрѣзанъ,
Изъ угла онѣ вскочили,
Завладѣли лучшей долей,
Долей милой Миннегаги,
Не спросясь, схватили дерзко
Нѣжный, бѣлый жиръ оленя,
Съѣли съ жадностью, какъ звѣри,
И опять забились въ уголъ
Въ самый дальній, темный уголъ.

Промолчала Миннегага,
Промолчалъ и Гайавата,
Промолчала и Нокомисъ;
Лица ихъ спокойны были.

Только Миннегага тихо
Прошептала съ состраданьемъ,
Говоря: „Ихъ мучитъ голодъ;
Пусть берутъ, что́ имъ по вкусу,
Пусть ѣдятъ, — ихъ мучитъ голодъ".

Много зорь зажглось, погасло,
Много дней стряхнули ночи,
Какъ стряхаютъ хлопья снѣга
Сосны темныя на землю;
День за днемъ сидѣли молча
Гостьи блѣдныя въ вигвамѣ;
Ночью, даже въ непогоду,
Въ ближній лѣсъ онѣ ходили,
Чтобъ набрать сосновыхъ шишекъ,
Чтобъ набрать вѣтвей для топки,
Но едва свѣтало, снова
Появлялися въ вигвамѣ.

И всегда, когда съ охоты
Возвращался Гайавата,
Въ часъ, когда готовъ былъ ужинъ
И олень уже разрѣзанъ,
Гостьи блѣдныя безшумно
Изъ угла къ нему кидались,
Не спросясь, хватали жадно
Нѣжный, бѣлый жиръ оленя, —
Долю милой Миннегаги, —
И скрывались въ темный уголъ.

Никогда не упрекнулъ ихъ
Даже взглядомъ Гайавата,
Никогда не возмутилась
Престарѣлая Нокомисъ,

Никогда не показала
Недовольства Миннегага;
Все они терпѣли молча,
Чтобъ права святыя гостя
Не нарушить грубымъ взглядомъ,
Не нарушить грубымъ словомъ.

Въ полночь разъ, когда печально
Догоралъ костеръ, краснѣя,
И мерцалъ дрожащимъ свѣтомъ
Въ полусумракѣ вигвама,
Бодрый, чуткій Гайавата
Вдругъ услышалъ чьи-то вздохи,
Чьи-то горькія рыданья.

Съ ложа всталъ онъ осторожно,
Всталъ съ косматыхъ шкуръ бизона
И, отдернувши надъ ложемъ
Изъ оленьей кожи пологъ,
Увидалъ, что это Тѣни,
Гостьи блѣдныя, вздыхаютъ,
Плачутъ въ тишинѣ полночной.

И промолвилъ онъ: „О, гостьи!
Чтó такъ мучитъ ваше сердце?
Чтó рыдать васъ заставляетъ?
Не Нокомисъ ли васъ, гостьи,
Ненарокомъ оскорбила?
Иль предъ вами Миннегага
Позабыла долгъ хозяйки?“

Тѣни смолкли, перестали
Горько сѣтовать и плакать
И сказали тихо-тихо:

„Мы усопшихъ, мертвыхъ души,
Души тѣхъ, чтó жили съ вами;
Мы пришли изъ Странъ Понима,
Съ острововъ Загробной Жизни,
Испытать васъ и наставить.

„Вопли скорби достигаютъ
Къ намъ, въ Селенія Блаженныхъ:
То живые погребенныхъ
Призываютъ вновь на землю,
Мучатъ насъ безплодной скорбью;
И вернулись мы на землю,
Но узнали скоро, скоро,
Что вездѣ мы только въ тягость,
Что для всѣхъ мы стали чужды:
Нѣтъ намъ мѣста, — нѣтъ возврата
Мертвецамъ изъ-за могилы!

„Помни это, Гайавата,
И скажи всему народу,
Чтобъ отнынѣ и вовѣки
Вопли ихъ не огорчали
Отошедшихъ въ міръ Понима,
Къ намъ, въ Селенія Блаженныхъ.

„Не кладите тяжкой ноши
Съ мертвецами въ ихъ могилы, —
Ни мѣховъ, ни украшеній,
Ни котловъ, ни чашъ изъ глины, —
Эта ноша мучитъ духовъ.
Дайте лишь немного пищи,
Дайте лишь огня въ дорогу.

„Духъ четыре грустныхъ ночи
И четыре дня проводитъ

На пути въ Страну Понима;
Потому-то и должны вы
Надъ могилами усопшихъ
Съ первой ночи до послѣдней
Жечь костры неугасимо,
Освѣщать дорогу духамъ,
Озарять веселымъ свѣтомъ
Ихъ печальные ночлеги.

„Мы идемъ, прости навѣки,
Благородный Гайавата!
И тебя мы искушали,
И твое терпѣнье долго
Мы испытывали дерзко,
Но всегда ты оставался
Благороднымъ и великимъ.
Не слабѣй же, Гайавата,
Не слабѣй, не падай духомъ:
Ждетъ тебя еще труднѣе
И борьба и испытанье!“

И внезапно тьма упала
И наполнила жилище,
Гайавата же въ молчаньи
Услыхалъ одежды шорохъ,
Услыхалъ, что кто-то поднялъ
Занавѣску надъ порогомъ,
Увидалъ на небѣ звѣзды
И почувствовалъ дыханье
Зимней полночи морозной,
Но уже не видѣлъ духовъ,
Тѣней блѣдныхъ и печальныхъ
Изъ далекихъ Странъ Понима,
Изъ страны Загробной Жизни.

20. ГОЛОДЪ.

О, зима! О, дни жестокой,
Безконечной зимней стужи!
Ледъ все толще, толще, толще
Становился на озерахъ;
Снѣгъ все больше, больше, больше
Заносилъ луга и степи;
Все грознѣй шумѣли вьюги
По лѣсамъ, вокругъ селенья.

Еле-еле изъ вигвама,
Занесеннаго снѣгами,
Могъ пробраться въ лѣсъ охотникъ;
Въ рукавицахъ и на лыжахъ
Тщетно по лѣсу бродилъ онъ,
Тщетно онъ искалъ добычи, —
Не видалъ ни птицъ, ни звѣря,
Не видалъ слѣдовъ оленя,
Не видалъ слѣдовъ Вабассо.
Страшенъ былъ, какъ привидѣнье,
Лѣсъ блестящій и пустынный,
И отъ голода, отъ стужи
Потерявъ сознанье, падалъ,
Погибалъ въ снѣгахъ охотникъ.

О, Всесильный Бюкадэвинъ!
О, могучій Акозивинъ!
О, безмолвный, грозный Погокъ!
О, жестокія мученья,
Плачъ дѣтей и вопли женщинъ!

Всю тоскующую землю
Изнурилъ недугъ и голодъ,
Небеса и самый воздухъ
Лютымъ голодомъ томились,
И горѣли въ небѣ звѣзды,
Какъ глаза волковъ голодныхъ!

Вновь въ вигвамѣ Гайаваты
Поселилися два гостя:
Такъ же мрачно и безмолвно,
Какъ и прежніе два гостя,
Безъ привѣта и безъ зова
Въ домъ вошли они и сѣли
Прямо рядомъ съ Миннегагой,
Не сводя съ нея свирѣпыхъ,
Впалыхъ глазъ ни на минуту.

И одинъ сказалъ ей: „Видишь?
Предъ тобою — Бюкадэвинъ!“
И другой сказалъ ей: „Видишь?
Предъ тобою — Акозивинъ!“

И отъ этихъ словъ и взглядовъ
Содрогнулось, сжалось страхомъ
Сердце милой Миннегаги;
Безъ отвѣта опустилась,
Скрывъ лицо, она на ложе
И томилась, трепетала,

Холодѣя и сгорая,
Отъ зловѣщихъ словъ и взглядовъ.

Какъ безумный, устремился
Въ лѣсъ на лыжахъ Гайавата;
Стиснувъ зубы, затаивши
Въ сердцѣ боль смертельной скорби,
Мчался онъ, и капли пота
На челѣ его смерзались.

Въ мѣховыхъ своихъ одеждахъ,
Въ рукавицахъ, Минджикэвонъ,
Съ мощнымъ лукомъ наготовѣ
И съ колчаномъ за плечами,
Онъ бѣжалъ все дальше, дальше
По лѣсамъ пустымъ и мертвымъ.

„Гитчи Манито! — вскричалъ онъ,
Обращая взоры къ небу
Съ безпредѣльною тоскою, —
Пощади насъ, о, Всесильный,
Дай намъ пищи, иль погибнемъ!
Пищи дай для Миннегаги—
Умираетъ Миннегага!“

Гулко въ дебряхъ молчаливыхъ,
Въ безконечныхъ дебряхъ бора,
Прозвучали вопли эти,
Но никто не отозвался,
Кромѣ отклика лѣсного,
Повторявшаго тоскливо:
„Миннегага! Миннегага!“

До заката одиноко
Онъ бродилъ въ лѣсахъ печальныхъ,

Въ темныхъ чащахъ, гдѣ когда-то
Шелъ онъ съ милой Миннегагой,
Съ молодой женою рядомъ,
Изъ далекихъ странъ Дакотовъ.
Веселъ былъ ихъ путь въ то время!
Всѣ цвѣты благоухали,
Всѣ лѣсныя птицы пѣли,
Всѣ ручьи сверкали солнцемъ,
И сказала Миннегага
Съ беззавѣтною любовью:
„Я пойду съ тобою, мужъ мой!“

А въ вигвамѣ, близъ Нокомисъ,
Близъ пришельцевъ молчаливыхъ,
Карауливщихъ добычу,
Ужъ томилась предъ кончиной,
Умирала Миннегага.

„Слышишь? — вдругъ она сказала, —
Слышишь шумъ и гулъ далекій
Водопадовъ Миннегаги?
Онъ зоветъ меня, Нокомисъ!“

— „Нѣтъ, дитя мое, — печально
Отвѣчала ей Нокомисъ, —
Это боръ гудитъ отъ вѣтра“.

„Глянь! — сказала Миннегага, —
Вонъ — отецъ мой! Одиноко
Онъ стоитъ и мнѣ киваетъ
Изъ родимаго вигвама!“

— „Нѣтъ, дитя мое, — печально
Отвѣчала ей Нокомисъ, —
Это дымъ плыветъ, киваетъ!“

„Ахъ! — вскричала Миннегага, —
Это Погока сверкаютъ
Очи грозныя изъ мрака,
Это онъ мнѣ стиснулъ руку
Ледяной своей рукою!
Гайавата, Гайавата!“

И несчастный Гайавата
Издалека, издалека,
Изъ-за горъ и дебрей лѣса,
Услыхалъ тотъ крикъ внезапный,
Скорбный голосъ Миннегаги,
Призывающій во мракѣ:
„Гайавата! Гайавата!“
По долинамъ, по сугробамъ,
Подъ вѣтвями бѣлыхъ сосенъ,
Нависавшими отъ снѣга,
Онъ бѣжалъ съ тяжелымъ сердцемъ
И услышалъ онъ тоскливый
Плачъ Нокомисъ престарѣлой:
„Вагономинъ! Вагономинъ!
Лучше бъ я сама погибла,
Лучше бъ мнѣ лежать въ могилѣ!
Вагономинъ! Вагономинъ!“

И въ вигвамъ онъ устремился,
И увидѣлъ, какъ Нокомисъ
Съ плачемъ медленно качалась,
Увидалъ и Миннегагу,
Неподвижную на ложѣ,
И такой издалъ ужасный
Крикъ отчаянья, что звѣзды
Въ небесахъ затрепетали,
А лѣса съ глубокимъ стономъ
Потряслись до основанья.

Осторожно и безмолвно
Сѣлъ онъ къ ложу Миннегаги,
Сѣлъ къ ногамъ ея холоднымъ,
Къ тѣмъ ногамъ, что никогда ужъ
Не пойдутъ за Гайаватой,
Никогда къ нему изъ дома
Ужъ не выбѣгутъ навстрѣчу.

Онъ лицо закрылъ руками,
Семь ночей и дней у ложа
Просидѣлъ въ оцѣпенѣньи,
Безъ движенья, безъ сознанья:
День царитъ, иль тьма ночная?

И простились съ Миннегагой;
Приготовили могилу
Ей въ лѣсу глухомъ и темномъ,
Подъ печальною цикутой,
Обернули Миннегагу
Бѣлымъ мѣхомъ горностая,
Закидали бѣлымъ снѣгомъ,
Словно мѣхомъ горностая,—
И простились съ Миннегагой.

А съ закатомъ на могилѣ
Былъ зажженъ костеръ изъ хвои,
Чтобъ душѣ четыре ночи
Освѣщалъ онъ путь далекій,
Путь въ Селенія Блаженныхъ.
Изъ вигвама Гайаватѣ
Видно было, какъ горѣлъ онъ,
Озаряя изъ-подъ низу
Вѣтви черныя цикуты.
И не разъ въ часъ долгой ночи

Подымался Гайавата
На своемъ безсонномъ ложѣ,
Ложѣ милой Миннегаги,
И стоялъ, слѣдилъ съ порога,
Чтобы пламя не погасло,
Духъ во мракѣ не остался.

„О, прости, прости!—сказалъ онъ,—
О, прости, моя родная!
Все мое съ тобою сердце
Схоронилъ я, Миннегага,
Вся душа моя стремится
За тобою, Миннегага!
Не ходи, не возвращайся
Къ намъ на трудъ и на страданья,
Въ міръ, гдѣ голодъ, лихорадка
Мучатъ душу, мучатъ тѣло!
Скоро подвигъ свой я кончу,
Скоро буду я съ тобою
Въ царствѣ свѣтлаго Понима,
Безконечной, вѣчной жизни!“

21. СЛѢДЪ БѢЛАГО.

Средь долины, надъ рѣкою,
Надъ замерзшею рѣкою,
Тамъ сидѣлъ въ своемъ вигвамѣ
Одинокій, грустный старецъ.
Волоса его лежали
На плечахъ сугробомъ снѣга,
Плащъ его изъ бѣлой кожи,
Вобивайонъ, былъ въ лохмотьяхъ,
А костеръ среди вигвама
Чуть свѣтился, догорая,
И дрожалъ отъ стужи старецъ,
Ослѣпленный снѣжной вьюгой,
Оглушенный свистомъ бури,
Оглушенный гуломъ лѣса.

Угли пепломъ ужъ бѣлѣли
Пламя тихо умирало,
Какъ неслышно появился
Стройный юноша въ вигвамѣ.
На щекахъ его румянецъ
Разливался алой краской,
Очи кроткія сіяли,
Какъ весенней ночью звѣзды,
А чело его вѣнчала

Изъ пахучихъ травъ гирлянда.
Улыбаясь и улыбкой
Все, какъ солнцемъ, озаряя,
Онъ вошелъ въ вигвамъ съ цвѣтами,
И цвѣты его дышали
Нѣжнымъ, сладкимъ ароматомъ.

„О, мой сынъ,—воскликнулъ старецъ,—
Какъ отрадно видѣть гостя!
Сядь со мною на цыновку,
Сядь сюда, къ огню поближе,
Будемъ вмѣстѣ ждать разсвѣта.
Ты свои мнѣ поразскажешь
Приключенія и встрѣчи,
Я—свои: свершилъ я въ жизни
Не одинъ великій подвигъ!“

Тутъ онъ вынулъ трубку мира,
Очень старую, чудную,
Съ красной каменной головкой,
Съ чубукомъ изъ трости, въ перьяхъ,
Наложилъ ее корою,
Закурилъ ее отъ угля,
Подалъ гостю-чужеземцу
И повелъ такія рѣчи:

„Стóитъ мнѣ своимъ дыханьемъ
Только разъ на землю дунуть,
Остановятся всѣ рѣки,
Вся вода окаменѣетъ!“

Улыбаясь, гость отвѣтилъ:
„Стóитъ мнѣ своимъ дыханьемъ
Только разъ на землю дунуть,

Зацвѣтутъ цвѣты въ долинахъ,
Запоютъ, заплещутъ рѣки!“

„Сто́итъ мнѣ тряхнуть во гнѣвѣ
Головой своей сѣдою,—
Молвилъ старецъ, мрачно хмурясь,—
Всю страну снѣга покроютъ,
Вся листва спадетъ съ деревьевъ,
Все поблекнетъ и погибнетъ,
Съ рѣкъ и съ тундръ, съ болотныхъ топей
Улетятъ и гусь, и цапля
Къ отдаленнымъ, теплымъ странамъ;
И куда бы ни пришелъ я,
Звѣри дикіе лѣсные
Въ норы прячутся, въ пещеры,
Какъ кремень, земля твердѣетъ!“

„Сто́итъ мнѣ тряхнуть кудрями,—
Молвилъ гость съ улыбкой кроткой,—
Благодатный теплый ливень
Оросить поля и долы,
Воскреситъ цвѣты и травы;
На озера и болота
Возвратятся гусь и цапля,
Съ юга ласточка примчится,
Запоютъ лѣсныя птицы;
И куда бы ни пришелъ я,
Лугъ колышется цвѣтами,
Лѣсъ звучитъ веселымъ пѣньемъ,
Отъ листвы темнѣютъ чащи!“

За бесѣдой ночь минула;
Изъ далекихъ странъ Востока,
Изъ серебряныхъ чертоговъ,

Словно воинъ въ яркихъ краскахъ,
Солнце вышло и сказало:
„Вотъ и я! любуйтесь солнцемъ,
Гизисомъ, могучимъ солнцемъ!“

Онѣмѣлъ при этомъ старецъ.
Отъ земли тепломъ пахнуло,
Надъ вигвамомъ стали сладко
Опечи пѣть и Овейса,
Зажурчалъ ручей въ долинѣ,
Нѣжный запахъ травъ весеннихъ
Изъ долинъ въ вигвамъ повѣялъ,
И при яркомъ блескѣ солнца
Увидалъ Сэгвонъ яснѣе
Старца ликъ холодный, мертвый:
То былъ Пибоанъ могучій.

По щекамъ его бѣжали,
Какъ весенніе потоки,
Слезы теплыми струями,
Самъ же онъ все уменьшался
Въ блескѣ радостнаго солнца —
Паромъ таялъ въ блескѣ солнца,
Влагой всачивался въ землю,
И Сэгвонъ среди вигвама,
Тамъ, гдѣ ночью мокрый хворостъ
Въ очагѣ дымился, тлѣя,
Увидалъ цвѣтокъ весенній,
Первоцвѣтъ, привѣтъ весенній,
Мискодитъ въ зеленыхъ листьяхъ.

Такъ на сѣверъ послѣ стужи,
Послѣ лютой зимней стужи,
Вновь пришла весна, а съ нею

Зацвѣли цвѣты и травы,
Возвратились съ юга птицы.

Съ вѣтромъ путь держа на сѣверъ,
Въ небѣ стаями летѣли,
Мчались лебеди, какъ стрѣлы,
Какъ большія стрѣлы въ перьяхъ,
И скликалися, какъ люди;
Плыли гуси длинной цѣпью,
Изгибавшейся, подобно
Тетивѣ изъ жилъ оленя,
Разорвавшейся на лукѣ;
Въ одиночку и попарно,
Съ быстрымъ, рѣзкимъ свистомъ крыльевъ,
Высоко нырки летѣли,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шухъ-шухъ-га.

Въ чащахъ лѣса и въ долинахъ
Пѣлъ Овейса синеперый,
Надъ вигвамами, на кровляхъ,
Опечи пѣлъ красногрудый,
Подъ густымъ наметомъ сосенъ
Ворковалъ Омими, голубь,
И печальный Гайавата,
Онѣмѣвшій отъ печали,
Услыхалъ ихъ зовъ веселый,
Услыхалъ — и тихо вышелъ
Изъ угрюмаго вигвама
Любоваться вешнимъ солнцемъ,
Красотой земли и неба.

Изъ далекаго похода
Въ царство яркаго разсвѣта,

Въ царство Вебона, къ Востоку,
Возвратился старый Ягу
И принесъ онъ много-много
Удивительныхъ новинокъ.

Вся деревня собралася
Слушать, какъ хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смѣхомъ говорила:
„Угъ! Да это точно — Ягу!
Кто другой такъ можетъ хвастать!“

Онъ сказалъ, что видѣлъ море
Больше, чѣмъ Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И съ такой водою горькой,
Что никто не пьетъ ту воду.
Тутъ всѣ воины и жены
Другъ на друга поглядѣли,
Улыбнулися другъ другу
И шепнули: „Это враки!
Ко! — шепнули, — это враки!“

Въ немъ, сказалъ онъ, въ этомъ морѣ
Плылъ огромный челнъ крылатый,
Шла крылатая пиро́га
Больше цѣлой рощи сосенъ,
Выше самыхъ старыхъ сосенъ.
Тутъ всѣ воины и старцы
Поглядѣли другъ на друга,
Засмѣялись и сказали:
„Ко, не вѣрится намъ что-то!“

Изъ жерла ея, сказалъ онъ,
Вдругъ раздался громъ, въ честь Ягу,

Стрѣлы молніи сверкнули.
Тутъ всѣ воины и жены
Безъ стыда захохотали.
„Ко, — сказали, — вотъ такъ сказка!“

Въ ней, сказалъ онъ, плыли люди,
Да, сказалъ онъ, въ этой лодкѣ
Я сто воиновъ увидѣлъ.
Лица воиновъ тѣхъ были
Бѣлой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты
Были густо волосами.
Тутъ ужъ всѣ надъ бѣднымъ Ягу
Стали громко издѣваться,
Закричали, зашумѣли,
Словно вòроны на соснахъ,
Словно сѣрыя ворóны.
„Ко! — кричали всѣ со смѣхомъ, —
Кто жъ тебѣ повѣритъ, Ягу!“

Гайавата не смѣялся, —
Онъ на шутки и насмѣшки
Строго имъ въ отвѣтъ промолвилъ:
„Ягу правду говоритъ намъ;
Было мнѣ дано видѣнье,
Видѣлъ самъ я челнъ крылатый,
Видѣлъ самъ я блѣднолицыхъ,
Бородатыхъ чужеземцевъ
Изъ далекихъ странъ Востока,
Лучезарнаго разсвѣта.

„Гитчи Манито могучій,
Духъ Великій и Создатель,
Съ ними шлетъ свои велѣнья,

Шлетъ свои намъ приказанья.
Гдѣ живутъ они,—тамъ вьются
Амо, дѣлатели меда,
Мухи съ жалами роятся.
Гдѣ идутъ они — повсюду
Вырастаетъ вслѣдъ за ними
Мискодитъ, краса природы.

„И когда мы ихъ увидимъ,
Мы должны ихъ, словно братьевъ,
Встрѣтить съ лаской и привѣтомъ.
Гитчи Манито могучій
Это мнѣ сказалъ въ видѣньи.

„Онъ открылъ мнѣ въ томъ видѣньи
И грядущее,—всѣ тайны
Дней, отъ насъ еще далекихъ.
Видѣлъ я густыя рати
Неизвѣстныхъ намъ народовъ,
Надвигавшихся на Западъ,
Переполнившихъ всѣ страны.
Разны были ихъ нарѣчья,
Но одно въ нихъ билось сердце,
И кипѣла неустанно
Ихъ веселая работа:
Топоры въ лѣсахъ звенѣли,
Города въ лугахъ дымились,
На рѣкахъ и на озерахъ
Плыли съ молніей и громомъ
Окрыленныя пироги.

„А потомъ уже иное
Предо мной прошло видѣнье —
Смутно, словно за туманомъ:

Видѣлъ я, что гибнутъ наши
Племена въ борьбѣ кровавой,
Возставая другъ на друга,
Позабывъ мои совѣты;
Видѣлъ съ грустью ихъ остатки,
Отступавшіе на Западъ,
Убѣгавшіе въ смятеньи,
Какъ разсѣянныя тучи,
Какъ сухіе листья въ бурю!"

22. ЭПИЛОГЪ.

На прибрежьѣ Гитчи-Гюми,
Свѣтлыхъ водъ Большого Моря,
Тихимъ, яснымъ лѣтнимъ утромъ,
Гайавата въ ожиданьи
У дверей стоялъ вигвама.

Воздухъ полонъ былъ прохлады,
Вся земля дышала счастьемъ,
А надъ нею, въ блескѣ солнца,
На закатъ, къ сосѣдней рощѣ,
Золотистыми роями
Пролетали пчелы, Амо,
Пѣли въ яркомъ блескѣ солнца.

Ясно глубь небесъ сіяла,
Тихо было Гитчи-Гюми;
У прибрежья прыгалъ Нама,
Искрясь въ брызгахъ, въ блескѣ солнца;
На прибрежьѣ лѣсъ зеленый
Возвышался надъ водою,
Созерцалъ свои вершины,
Отраженныя водою.

Свѣтелъ взоръ былъ Гайаваты:
Скорбь съ лица его исчезла

Какъ туманъ съ восходомъ солнца,
Какъ ночная мгла съ разсвѣтомъ;
Съ торжествующей улыбкой,
Полный радости и счастья,
Словно тотъ, кто видитъ въ грезахъ
То, что́ скоро совершится,
Гайавата въ ожиданьи
У дверей стоялъ вигвама.

Къ солнцу руки протянулъ онъ,
Обратилъ къ нему ладони,
И межъ пальцевъ свѣтъ и тѣни
По лицу его играли,
По плечамъ его открытымъ;
Такъ лучи, скользя межъ листьевъ,
Освѣщаютъ дубъ могучій.

По водѣ, въ дали неясной,
Что-то бѣлое летѣло,
Что-то плыло и мелькало
Въ легкомъ утреннемъ туманѣ,
Опускалось, подымалось,
Подходя все ближе, ближе.

Не летитъ ли тамъ Шухъ-шухъ-га?
Не ныряетъ ли гагара?
Не плыветъ ли Птица-баба?
Или это Во-би-вава
Брызги стряхиваетъ съ перьевъ,
Съ шеи длинной и блестящей?

Нѣтъ, не гусь, не цапля это,
Не нырокъ, не Птица-баба
По водѣ плыветъ, мелькаетъ

Въ легкомъ утреннемъ туманѣ:
То березовая лодка,
Опускаясь, подымаясь,
Въ брызгахъ искрится на солнцѣ,
И плывутъ въ той лодкѣ люди
Изъ далекихъ странъ Востока,
Лучезарнаго разсвѣта;
То наставникъ блѣднолицыхъ,
Ихъ пророкъ въ одеждѣ черной,
По водѣ съ проводниками
И съ друзьями путь свой держитъ.

И, простерши къ небу руки,
Въ знакъ сердечнаго привѣта,
Съ торжествующей улыбкой
Ждалъ ихъ славный Гайавата,
Ждалъ, пока подъ ихъ пиро́гой
Захруститъ прибрежный щебень,
Зашуршитъ песчаный берегъ,
И наставникъ блѣднолицыхъ
На песчаный берегъ выйдетъ.

И когда наставникъ вышелъ,
Громко, радостно воскликнувъ,
Такъ промолвилъ Гайавата:
„Свѣтелъ день, о, чужеземцы,
День, въ который вы пришли къ намъ!
Все селенье наше ждетъ васъ,
Всѣ вигвамы вамъ открыты.

„Никогда еще такъ пышно
Не цвѣла земля цвѣтами,
Никогда на небѣ солнце
Не сіяло такъ, какъ нынѣ,

Въ день, когда изъ странъ Востока
Вы пришли въ селенье наше!
Никогда Большое Море
Не бывало такъ спокойно,
Такъ прозрачно и свободно
Отъ подводныхъ скалъ и мелей:
Тамъ, гдѣ шла пиро́га ваша,
Нѣтъ теперь ни скалъ, ни мелей!

„Никогда табакъ нашъ не былъ
Такъ душистъ и такъ пріятенъ,
Никогда не зеленѣли
Наши нивы такъ, какъ нынѣ,
Въ день, когда изъ странъ Востока
Вы пришли въ селенье наше!“

И наставникъ блѣднолицыхъ,
Ихъ пророкъ въ одеждѣ черной,
Отвѣчалъ ему привѣтомъ:
„Миръ тебѣ, о, Гайавата!
Миръ твой странѣ родимой,
Миръ молитвы, миръ прощенья,
Миръ Христа и свѣтъ Маріи!“

И радушный Гайавата
Ввелъ гостей въ свое жилище,
Посадилъ ихъ тамъ на шкурахъ
Горностаевъ и бизоновъ,
А Нокомисъ подала имъ
Пищу въ мискахъ изъ березы,
Воду въ ковшикахъ изъ липы,
И зажгла имъ трубку мира.

Всѣ пророки, Джосакиды,
Всѣ волшебники, Вэбины,

Всѣ врачи недуговъ, Миды,
Съ ними воины и старцы
Собралися предъ вигвамомъ,
Чтобъ почтить гостей привѣтомъ.
Тѣснымъ кругомъ у порога
На землѣ они сидѣли
И курили трубки молча,
А когда къ нимъ изъ вигвама
Вышли гости, такъ сказали:
„Всѣхъ насъ радуетъ, о, братья,
Что пришли вы навѣстить насъ
Изъ далекихъ странъ Востока!“

И наставникъ блѣднолицыхъ
Разсказалъ тогда народу,
Что пришелъ онъ имъ повѣдать
О Святой Маріи-Дѣвѣ,
О Ея предвѣчномъ Сынѣ.
Разсказалъ, какъ въ дни былые
Онъ сошелъ на землю къ людямъ,
Какъ Онъ жилъ въ постѣ, въ молитвѣ,
Какъ училъ Онъ, какъ евреи,
Богомъ прóклятое племя,
На крестѣ Его распяли,
Какъ возсталъ Онъ изъ могилы,
Вновь ходилъ съ учениками
И съ земли вознесся въ небо.

И народъ ему отвѣтилъ:
„Мы словамъ твоимъ внимали,
Мы внимали мудрой рѣчи,
Мы должны о ней подумать.
Всѣхъ насъ радуетъ, о, братья,
Что пришли вы навѣстить насъ
Изъ далекихъ странъ Востока!“

И, простясь, всѣ удалились,
Разошлись къ своимъ вигвамамъ,
Разсказали на деревнѣ
Юнымъ воинамъ и женамъ,
Что прислалъ Владыка Жизни
Къ нимъ гостей изъ странъ Востока.

Отъ жары, въ затишьѣ полдня,
Тяжкимъ воздухъ становился;
Въ полуснѣ шептались сосны
Позади вигвамовъ душныхъ,
Въ полуснѣ плескались волны
На песчаное прибрежье,
А на нивахъ, не смолкая,
Пѣлъ кузнечикъ, Па-покъ-кина.
Спали гости Гайаваты,
Истомленные жарою,
Въ душномъ сумракѣ вигвама.

Тихо вечеръ приближался,
Освѣжая знойный воздухъ,
И метало солнце стрѣлы,
Пробивая чащи лѣса,
Въ тайники его врываясь,
Все осматривая зорко.
Спали гости Гайаваты
Въ тихомъ сумракѣ вигвама

Съ мягкихъ шкуръ всталъ Гайавата
И простился онъ съ Нокомисъ,
Тихимъ шопотомъ сказалъ ей,
Чтобъ гостей не потревожить:

„Ухожу я, о, Нокомисъ,
Ухожу я въ путь далекій,

Ухожу въ страну Заката,
Въ край Кивайдина родимый.
Но гостей моихъ, Нокомисъ,
На тебя я оставляю:
Сохраняй ихъ и заботься,
Чтобъ ни страхъ, ни подозрѣнье,
Ни печаль ихъ не смущали;
Чтобъ въ вигвамѣ Гайаваты
Имъ всегда готовы были
И пріютъ, и кровъ, и пища".

Такъ сказавъ ей, онъ покинулъ
Отчій домъ, пошелъ въ селенье
И простился тамъ съ народомъ,
Говоря такія рѣчи:

„Ухожу я, о, народъ мой,
Ухожу я въ путь далекій:
Много зимъ и много весенъ
И придетъ, и вновь исчезнетъ,
Прежде чѣмъ я васъ увижу;
Но гостей моихъ оставилъ
Я въ родномъ моемъ вигвамѣ:
Наставленьямъ ихъ внимайте,
Слову мудрости внимайте,
Ибо ихъ Владыка Жизни
Къ намъ прислалъ изъ царства свѣта".

На прибрежьѣ Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающія волны
Сдвинулъ легкую пиро́гу,
Отъ кремнистаго прибрежья
Оттолкнулъ ее на волны,—

„На закатъ!"—сказалъ ей тихо
И пустился въ путь далекій.

И закатъ огнемъ багрянымъ
Облака зажегъ, и небо,
Словно преріи, пылало;
Длиннымъ огненнымъ потокомъ
Отражался въ Гитчи-Гюми
Солнца слѣдъ, и, удаляясь
Все на западъ и на западъ,
Плылъ по немъ къ зарѣ огнистой,
Плылъ въ багряные туманы,
Плылъ къ закату Гайавата.

И народъ съ прибрежья долго
Провожалъ его глазами,
Видѣлъ, какъ его пирóга
Поднялась высоко къ небу
Въ морѣ солнечнаго блеска—
И сокрылася въ туманѣ,
Точно блѣдный полумѣсяцъ,
Потонувшій тихо-тихо
Въ полумглѣ, въ дали багряной.

И сказалъ: „Прости навѣки,
Ты прости, о, Гайавата!"
И лѣсовъ пустынныхъ нѣдра
Содрогнулись—и пронесся
Тяжкій вздохъ во мракѣ лѣса,
Вздохъ: „Прости, о, Гайавата!"
И о берегъ волны съ шумомъ
Разбивались и рыдали,
И звучалъ ихъ стонъ печальный,
Стонъ: „Прости, о, Гайавата!"

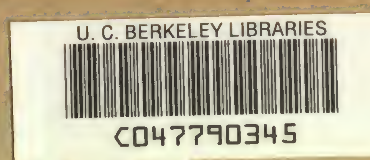
И Шухъ-шухъ-га на болотѣ
Испустила крикъ тоскливый,
Крикъ: „Прости, о, Гайавата!"

Такъ въ пурпурной мглѣ вечерней,
Въ славѣ гаснущаго солнца,
Удалился Гайавата
Въ край Кивайдина родимый,
Отошелъ въ Страну Понима,
Къ Островамъ Блаженныхъ,—въ царство
Безконечной, вѣчной жизни!

СЛОВАРЬ ИНДѢЙСКИХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ПОЭМѢ.

Амо — пчела.
Аджидо̀мо — бѣлка.
Амикъ — бобръ.
Бима̀гутъ — виноградникъ.
Бэмъ-ва̀ва — звукъ грома.
Ваба̀ссо — кроликъ; сѣверъ.
Вагоно̀минъ — крикъ горя.
Ва-ва-тэйзи — свѣтлякъ.
Ва̀ва — дикій гусь.
Ва̀вбикъ — утесъ.
Вавонэйса — полуночникъ (птица).
Во-би-ва̀ва—бѣлый гусь.
Вэ-мокъ-ква̀на — гусеница.
Ва̀мпумъ — ожерелья, пояса и различныя украшенія изъ раковинъ и бусъ.
Вэбино — волшебникъ.
Вэбино-Вэскъ — сурѣпка.
Вобива̀онъ — кожаный плащъ.
Гитчи-Гюми — Верхнее озеро.
Дагинда — гигантская лягушка.
Дэш-кво-нэ-ши — стрекоза.
Джиби — духъ.
Джосакиды — пророки.
Иза — стыдись!
Ина̀йнивэгъ — пѣшка (въ игрѣ въ кости).
Ишкуда̀ — огонь, комета.
Ка̀го — не тронь!
Кагаги — воронъ.
Ко — нѣтъ.
Кайо̀шкъ — морская чайка.
Кива̀йдинъ — сѣверо-западный вѣтеръ.
Кинэбикъ — змѣя.
Киню — орелъ.
Кэно̀за, Маскэноза — щука.
Куку-Кугу — сова.
Куо-ни-ши — стрекоза.
Мангъ — нырокъ.
Ман-го̀-тэйзи — отважный.
Маномони — дикій рисъ.
Мэма — зеленый дятелъ.
Миды — врачи.
Мина̀га — черника.
Мэшино̀ва — прислужникъ.
Минджикэвонъ — рукавицы.
Минни-ва̀ва — шорохъ деревьевъ.
Мише-Мо̀ква — Великій Медвѣдь.
Мише-На̀ма — Великій Осетръ.
Мискодитъ — „Слѣдъ Бѣлаго“ (цвѣтокъ).
Монда̀минъ — маисъ.
Мѣсяцъ Свѣтлыхъ Ночей — апрѣль.
Мѣсяцъ Листьевъ — май.
Мѣсяцъ Земляники — іюнь.
Мѣсяцъ Падающихъ Листьевъ — сентябрь.
Мѣсяцъ Лыжъ — ноябрь.
Мэдвэй-о̀шка — плескъ воды.
Мушкода̀за — глухарка.
На̀ма — осетръ.
На̀ма-Вэскъ — зеленая мята.
Нэго-Во̀джу — дюны Верхняго озера.
Нинимуша — милый другъ.

Нэпàвинъ — сонъ, духъ сна.
Нòза — отецъ.
Нэшка — смотри!
Одàминъ — земляника.
Окагàвисъ — рѣчная сельдь.
Омими — голубь.
Онэвэ — проснись, встань!
Опечи — красногрудка (птица).
Овэ́йса — сивоворонка (птица).
Озавабикъ — мѣдный дискъ (въ игрѣ въ кости).
Па-покъ-кина — кузнечикъ.
Пòгокъ — смерть.
Пибоанъ — зима.
Пимиканъ—высушенное оленье мясо.
Пишнэкэ — казарка (птица).
Понима — загробная жизнь.
Поггэвòгонъ — палица.
Покъ-Уэджисъ — пигмеи.
Сàва — окунь.
Сибовиша — ручей.
Сэгвòнъ — весна.
Сон-джи-тэгэ — сильный.
Соббикàши — тарантулъ.
Тэмракъ — лиственница.
Угъ — да.
Угодвòшъ — самглавъ, луна-рыба.
Читовэйкъ — зуекъ.
Шебамикъ — крыжовникъ.
Ша-ша — далекое прошлое.
Шагодàйя — трусъ.
Шогаши — морской ракъ.
Шòшо — ласточка.
Шишэбвэгъ — утенокъ (фигурка въ игрѣ въ кости).
Шингебисъ — нырокъ.
Шовэнъ-нэмэшинъ—сжалься!
Шухъ-шухъ-га — цапля.
Энктаги — Богъ Воды.
Эннимики — громъ.
Эпòква — тростникъ.
Йенадиззи — щеголь, франтъ.


U. C. BERKELEY LIBRARIES
C047790345